БѢЛОРУССКАЯ РѢЧЬ ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ И ПРОШЛОМЪ СОСТОЯНІИ.

ВВОДНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ.

Роль родного языка въ жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлаго народа. Въ жизни каждаго человѣка родной его языкъ имѣетъ огромное значеніе. Человѣкъ сознаетъ себя частью того народа, языкъ котораго считаетъ своимъ роднымъ языкомъ. Достаточно человѣку забыть родной языкъ, какъ порвется связь его съ народомъ, къ которому онъ принадлежитъ по своему происхожденію. Наоборотъ, общность родного языка, напоминая о племенномъ родствѣ, связываетъ въ одно цѣлое людей, живущихъ въ разныхъ мѣстахъ. Языкъ тутъ является тѣмъ спаивающимъ элементомъ, который объединяетъ отдѣльныхъ лицъ въ одну большую группу. Если во всѣхъ сферахъ жизни народа огромное значеніе имѣетъ совмѣстная работа лицъ, составляющихъ его, то отсюда ясно, какая роль въ жизни народа принадлежитъ языку, какъ фактору объединяющему. Исходя изъ этого, нельзя не признать, что въ ряду отдѣльныхъ отраслей знаній о своемъ народѣ видное мѣсто должно быть отведено родному языку. Такое мѣсто въ курсѣ Бѣлоруссовѣдѣнія должна занять и бѣлорусская рѣчь.

Что значитъ знать бѣлорусскій языкъ? Но что значитъ, можетъ возникнуть вопросъ, знать родной языкъ вообще и въ частности знать бѣлорусскій языкъ? Вѣдь каждый бѣлоруссъ, живущій на территоріи Бѣлоруссіи, въ большей или меньшей степени владѣетъ тѣмъ языкомъ, на которомъ говорятъ въ данной мѣстности. О какомъ еще знаніи бѣлорусскаго языка можетъ итти рѣчь? Дѣло въ томъ, что бѣлорусская рѣчь на всемъ пространствѣ бѣлорусской территоріи неодинакова и представляетъ нѣсколько группъ говоровъ и рядъ отдѣльныхъ говоровъ, иногда значительно отличающихся другъ отъ друга. Всѣ эти говоры во всей ихъ совокупности, а не одинъ какой-нибудь говоръ и составляютъ бѣлорусскій языкъ. Слѣдовательно, знать бѣлорусскій языкъ—значитъ знать его во всемъ разнообразіи составляющихъ его говоровъ. Но эти говоры при всѣхъ своихъ отличіяхъ имѣютъ черты, общія всѣмъ имъ, благодаря чему и объединяются въ одну большую группу—бѣлорусскій языкъ. Знаніе бѣлорусскаго языка прежде всего предполагаетъ знаніе этихъ общебѣлорус-

скихъ чертъ. Будучи для всѣхъ бѣлорусскихъ говоровъ, такъ сказать, общей мѣркой, тѣми признаками, по которымъ бѣлорусскіе говоры можно отличить отъ говоровъ великорусскаго и малорусскаго языка, эти черты должны быть ясны каждому, кто хочетъ знать бѣлорусскій языкъ. Общебѣлорусскія черты являются и главнѣйшимъ критеріемъ при рѣшеніи вопроса, является ли говоръ какой-нибудь мѣстности бѣлорусскимъ, а слѣдовательно населена ли та или другая мѣстность бѣлоруссами или другимъ русскимъ племенемъ. Но съ другой стороны, нельзя упускать изъ виду и чертъ свойственныхъ отдѣльнымъ говорамъ наряду съ чертами общебѣлорусскими, иначе наше представленіе о бѣлорусскомъ языкѣ будетъ неполное. Такимъ образомъ въ основу изученія бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи должно быть положено знакомство со всѣми его говорами, составляющими въ своей совокупности современный бѣлорусскій языкъ.

Но языкъ каждаго народа никогда не бываетъ одинаковъ на протяженіи всего періода его существованія. Достаточно, напримѣръ, сравнить современный русскій литературный языкъ съ языкомъ такихъ произведеній русской литературы, какъ «Слово о полку Игоревѣ», «Домострой» или произведенія 17-го и 18-го вѣка, чтобы увидѣть, что русскій языкъ съ теченіемъ времени подвергся измѣненіямъ и притомъ настолько значительнымъ, что они ярко бросаются въ глаза не только спеціалисту филологу, но и всякому мало-мальски грамотному человѣку. Наблюденія же спеціалиста филолога при сопоставленіи современнаго русскаго литературнаго языка съ русскимъ языкомъ предшествующихъ вѣковъ приводятъ къ выводу, что измѣненія, происшедшія съ теченіемъ времени въ русскомъ языкѣ, болѣе глубоки, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ. Русскій языкъ, оказывается, утратилъ за это время рядъ звуковъ, нѣкоторыя формы въ склоненіи и спряженіи, а также цѣлые обороты рѣчи. Съ другой стороны, въ немъ съ теченіемъ времени возникли новые звуки, которыхъ не было еще въ IX, X или XI в.; нѣкоторыя формы склоненія и спряженія приняли другія окончанія или получили иное значеніе и т. д., не говоря уже о словарномъ составѣ, гдѣ еще болѣе значительны или полныя утраты нѣкоторыхъ старыхъ словъ или измѣненія ихъ значеній наряду съ появленіемъ огромнаго количества новыхъ, раньше неизвѣстныхъ языку словъ. Тоже найдемъ и при сопоставленіи другихъ современныхъ намъ языковъ съ ихъ состояніемъ въ прошломъ. Недаромъ приходится говорить о древне-русскомъ, древне-французскомъ, древне-нѣмецкомъ языкѣ и т. д. А если въ языкѣ совершаются измѣненія, состоящія въ утратѣ или измѣненіи стараго и возникновеніи новаго, то естественно говорить объ исторіи языка, подобно тому какъ при наличности аналогичныхъ явленій говоримъ объ исторіи государства, исторіи какой-нибудь мѣстности, города и т. д. Слѣдовательно всякій языкъ, въ томъ числѣ и бѣлорусскій, имѣетъ свою исторію. Изучая бѣлорусскій языкъ въ современномъ его состаяніи, естественно задать вопросъ—какимъ былъ бѣло-

русскій языкъ нѣсколько вѣковъ назадъ? Какъ онъ образовался и каково было въ прошломъ его отношеніе къ другимъ русскимъ нарѣчіямъ-языкамъ? Безъ отвѣтовъ на эти вопросы наши свѣдѣнія о бѣлорусскомъ языкѣ будутъ неполны, а нѣкоторыя особенности его и вовсе неясны. Такимъ образомъ, чтобы имѣть полное, всестороннее представленіе о бѣлорусскомъ языкѣ, нельзя ограничиться изученіемъ только современнаго его состоянія, а необходимо обратиться и къ его прошлому, къ его исторіи.

Содержаніе настоящаго курса лекцій. Исходя изъ этого, я въ своемъ изложеніи дамъ, во-первыхъ, характеристику современнаго состоянія бѣлорусскаго языка, а во-вторыхъ—прослѣжу въ самыхъ основныхъ чертахъ исторію его развитія. Разумѣется, и та и другая часть будетъ носить элементарный характеръ, чтобы быть доступной всякому бѣлоруссу, интересующемуся своимъ роднымъ языкомъ.

I. БѢЛОРУССКІЙ ЯЗЫКЪ ВЪ ЕГО СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ.

Отношеніе бѣлорусскаго языка къ другимъ родственнымъ языкамъ. Понятіе объ индоевропейской семьѣ языковъ. Приступая къ изученію какого-нибудь языка въ его современномъ и прошломъ состояніи, необходимо прежде всего опредѣлить его отношеніе къ другимъ языкамъ. Сравнивая между собой отдѣльные языки, нельзя не замѣтить, что между ними или есть сходство въ звукахъ, формахъ, грамматическомъ строѣ и корняхъ словъ или этого сходства нѣтъ. Такъ, напримѣръ, каждому изъ насъ очевидно сходство между русскимъ и польскимъ языкомъ или между французскимъ и латинскимъ*). Вслушиваясь въ литовскій языкъ, мы также замѣтимъ нѣкоторое сходство между нимъ и русскимъ языкомъ но это сходство менѣе значительно, чѣмъ между польскимъ и русскимъ, и на первый взглядъ ограничивается сходствомъ въ корняхъ нѣкоторыхъ словъ, хотя въ дѣйствительности оно гораздо глубже. Наоборотъ, мы не замѣтимъ и этого сходства между русскимъ и финскимъ языкомъ или между тѣмъ и другимъ и древне-еврейскимъ. Но съ другой стороны, древне-еврейскій языкъ сходенъ съ сирійскимъ и арабскимъ и нѣкоторыми другими, а финскій—съ венгерскимъ, съ языкомъ зырянъ, остяковъ, черемисовъ и нѣкоторыхъ другихъ народовъ. Если будемъ брать рядъ другихъ языковъ, то картина будетъ та же: одни языки будутъ то въ большей, то въ меньшей степени сходны между собой, а между другими этого сходства не будетъ. На что это указываетъ? Когда мы встрѣчаемъ людей, очень похожихъ другъ на друга, то на основаніи сходства между ними заключаемъ, что они происходятъ отъ однихъ родителей и что если теперь они, можетъ быть, и живутъ врозь, то въ прошломъ они составляли одну семью. На нѣчто подобное указываетъи

*) Беру тѣ языки, которые, полагаю, болѣе или менѣе извѣстны всѣмъ или, по крайней мѣрѣ, большинству слушателей.

сходство между отдѣльными языками. Сходные въ настоящее время между собой языки также происходятъ отъ одного общаго предка-языка и всѣ вмѣстѣ взятые образуютъ одну языковую семью и поэтому могутъ быть названы родственными языками. Всѣ языки земного шара на основаніи сходства между ними сводятся въ нѣсколько большихъ группъ, называемыхъ семьями. Таковы, напримѣръ:

1) Индоевропейская семья языковъ, заключающая въ себѣ языки славянскихъ, германскихъ, романскихъ народовъ, языкъ литовскій, латышскій, древне и ново-греческій, латинскій, древне-индійскій и нѣкоторые другіе.

2) Семитская семья, въ составъ которой входятъ языки: древне-еврейскій, финикійскій, арабскій, сирійскій и нѣкотор. друг.

3) Урало-алтайская, обнимающая довольно значительное число языковъ, и т. д.

Между отдѣльными семьями языковъ, а слѣдовательно и между языками, входящими въ составъ разныхъ языковыхъ семей, нѣтъ сходства. Языки же, входящіе въ составъ какой-нибудь семьи, сходны между собой или только въ своей основѣ, указывающей на происхожденіе ихъ отъ одного общаго предка-языка, или между нѣкоторыми изъ нихъ это сходство идетъ значительно дальше и наблюдается и въ частностяхъ. Болѣе близкіе между собой языки какой-нибудь семьи обыкновенно сводятся въ группы, которыя принято называть вѣтвями данной семьи. Такъ въ индоевропейской семьѣ различаются вѣтви: славянская, балтійская, германская, италійская и друг. Славянская вѣтвь обнимаетъ языки: русскій со всѣми его нарѣчіями, болгарскій, сербо-хорватскій, словенскій, чешскій, словацкій, верхне и нижне-лужицкій, польскій, кашубскій и полабскій. Къ италійской вѣтви принадлежатъ: французскій, итальянскій, испанскій, португальскій, румынскій и нѣкоторые другіе языки. Германскую вѣтвь составляютъ языки: нѣмецкій, шведскій, норвежскій, датскій, голландскій и нѣкоторые другіе. Всего въ индоевропейской семьѣ такихъ вѣтвей насчитывается 10.

Такимъ образомъ индоевропейская семья языковъ, какъ и всякая другая, распадается на нѣсколько группъ особенно близко сходныхъ между собой языковъ. Отношеніе между языками каждой вѣтви таково, что даетъ полное основаніе полагать, что всѣ языки данной вѣтви происходятъ отъ одного общаго языка, т.-е., что вмѣсто каждой изъ современныхъ группъ индоевропейскихъ языковъ когда-то былъ только одинъ языкъ, отъ котораго произошли всѣ современные языки данной вѣтви. Напримѣръ, вмѣсто русскаго, польскаго, чешскаго, сербскаго, балгарскаго и другихъ славянскихъ языковъ когда-то былъ одинъ языкъ, давшій имъ начало, который поэтому можно назвать общеславянскимъ языкомъ; вмѣсто современныхъ отдѣльныхъ германскихъ языковъ былъ одинъ общегерманскій языкъ и т. д. Эти языки въ свою очередь появились вмѣсто одного общеиндоевропейскаго языка. Такимъ образомъ получается слѣдующая картина происхожденія языковъ индоевропейской семьи. Въ глубокой древ-

ности вмѣсто современныхъ намъ языковъ индоевропейской семьи былъ одинъ общеиндоевропейскій языкъ, какъ мы называемъ его теперь; этотъ общеиндоевропейскій языкъ съ теченіемъ времени распался на отдѣльные языки, давшіе потомъ начало современнымъ намъ языкамъ этой семьи. Приэтомъ изъ общеиндоевропейскаго языка не сразу, можетъ быть, выдѣлились предки-языки тѣхъ вѣтвей, которыя различаются въ индоевропейской семьѣ въ настоящее время. Такъ вслѣдствіе значительнаго сходства между языками славянской и балтійской вѣтвей есть основаніе полагать, что изъ общеиндоевропейскаго языка сначала выдѣлился балтійско-славянскій языкъ, распавшійся потомъ на общеславянскій и общебалтійскій языки, давшіе затѣмъ начало отдѣльнымъ славянскимъ и балтійскимъ языкамъ.

На основаніи всего сказаннаго о языкахъ индоевропейской семьи нашъ русскій языкъ можетъ быть опредѣленъ, какъ языкъ славянской вѣтви индоевропейской семьи языковъ. Но русскій языкъ, какъ и всякій другой современный намъ языкъ, не представляетъ единаго цѣлаго. Въ настоящее время онъ распадается на нарѣчія: великорусское, малорусское и бѣлорусское, въ которыхъ въ свою очередь различаются поднарѣчія и говоры. Дробленіе языка на нарѣчія и говоры вызывается рядомъ разнообразныхъ причинъ, а прежде всего разселеніемъ по обширной территоріи народа, говорящаго этимъ языкомъ. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ объединяющихъ причинъ, напримѣръ, одного политическаго центра или другихъ обстоятельствъ различные говоры и нарѣчія могутъ объединиться въ одинъ языкъ.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ, чѣмъ языкъ отличается отъ нарѣчія и когда мы имѣемъ дѣло съ языкомъ и когда съ нарѣчіемъ. Изъ того, что сказано о распаденіи одного когда-то общаго языка и о дѣленіи современнаго русскаго языка на нарѣчія, слѣдуетъ, что нарѣчіе есть дальнѣйшее подраздѣленіе языка. Съ этой точки зрѣнія всякій современный намъ языкъ есть нарѣчіе того общаго языка данной вѣтви, отъ которой происходятъ современные намъ языки. Такъ, напримѣръ, русскій, польскій, чешскій, сербскій, болгарскій и другіе славянскіе языки являются нарѣчіями общеславянскаго языка; недаромъ иногда польскій, чешскій, сербскій и другіе славянскіе языки называются славянскими нарѣчіями. Итакъ, всякій языкъ въ историческомъ смыслѣ, по отношенію къ своему прошлому, есть нарѣчіе другого языка, отъ котораго онъ происходитъ. Разница между нарѣчіемъ и языкомъ можетъ быть проведена только съ точки зрѣнія ихъ взаимоотношенія въ настоящемъ. Нарѣчіе какого-нибудь языка, то-есть его развѣтвленіе, можно считать самостоятельнымъ языкомъ, а не нарѣчіемъ, если оно живетъ самостоятельной языковой жизнью. Приложивъ этотъ критерій къ современной намъ бѣлорусской рѣчи, а равно къ малорусской и великорусской, мы должны будемъ признать ихъ, съ одной стороны, нарѣчіями единаго когда-то общерусскаго языка, а съ другой—самостоятельными языками, поскольку они живутъ самостоятельной языковой жизнью, т.-е. поскольку въ нихъ совершаются

измѣненія независимо другъ отъ друга. Въ этомъ смыслѣ я буду употреблять въ приложеніи къ бѣлорусской рѣчи и другимъ нарѣчіямъ русскаго языка выраженія «нарѣчіе» и «языкъ», соединяя ихъ иногда вмѣстѣ — «нарѣчіе-языкъ».

Изъ всего сказаннаго ясно, что бѣлорусская рѣчь находится въ ближайшемъ родствѣ съ другими нарѣчіями русскаго языка, такъ какъ происходитъ вмѣстѣ съ ними отъ одного общерусскаго языка. При характеристикѣ ея современнаго состоянія необходимо слѣдовательно будетъ сопоставлять ее съ другими нарѣчіями русскаго языка, такъ какъ только путемъ такого сопоставленія можно будетъ прослѣдить ея судьбу въ прошломъ и выяснить нѣкоторыя явленія и особенности въ настоящемъ.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ О ЗВУКАХЪ РѢЧИ ВООБЩЕ.

Звуки человѣческой рѣчи и условія образованія ихъ. Основу всякаго языка состовляютъ звуки, которые, вступая въ различныя сочетанія, образуютъ слова въ узкомъ значеніи этого слова*). Звуки языка мы обыкновенно отличаемъ другъ отъ друга по ихъ акустическому впечатлѣнію, то-есть по тому впечатлѣнію, какое они производятъ на нашъ слухъ и воспринимаются нашимъ сознаніемъ сообразно съ этимъ впечатлѣніемъ. Слыша звуки живой человѣческой рѣчи, мы говоримъ, что мы слышимъ, напримѣръ, звуки: А, О, И, Б, П, Р, Л, и такимъ образомъ опредѣляемъ ихъ такъ, какъ слышимъ, то-есть, какъ говорятъ, по акустическому впечатлѣнію. По акустическому впечатлѣнію мы отличаемъ обыкновенно и звуки одного языка отъ звуковъ другого. Вслушиваясь, напримѣръ, въ произношеніе словъ одинъ и день въ великорусскомъ и малорусскомъ языкѣ, мы на слухъ отличаемъ, что не всѣ звуки въ этихъ словахъ звучатъ одинаково въ томъ и другомъ языкѣ. Однако опредѣленіе звуковъ на слухъ, по слуховымъ впечатлѣніямъ, не всегда отличается точностью и не всегда бываетъ удобно; между тѣмъ, при научномъ изученіи какого нибудь языка и его говоровъ весьма важно возможно точнѣе опредѣлить его звуковой составъ.

При научномъ изученіи языка принято опредѣлять звуки рѣчи и отличать ихъ другъ отъ друга по условіямъ ихъ образованія, т.-е. въ зависимости отъ того, какіе органы рѣчи принимаютъ участіе въ образованіи звука, каково взаимоотношеніе этихъ органовъ во время образованія звука и т. д. Въ виду важности такого опредѣленія звуковъ и для бѣлорусской рѣчи остановлюсь вкратцѣ на этихъ условіяхъ.

Органы рѣчи. Въ образованіи звуковъ нашей рѣчи принимаютъ участіе слѣдующіе органы: гортань съ находящимися въ ней голосовыми связками, полость рта, языкъ, зубы, губы и полость носа. Къ нимъ присоединяется еще дѣятельность легкихъ, выдыхающихъ воздухъ и направляющихъ его по дыхательному горлу въ гортань. Отъ различнаго положе-

*) Въ болѣе широкомъ смыслѣ словомъ можетъ быть и отдѣльный звукъ.

нія органовъ рѣчи зависитъ и отличіе звуковъ другъ отъ друга, что сейчасъ и увидимъ изъ разсмотрѣнія образованія звуковъ.

Процесссъ образованія звуковъ и отличіе ихъ другъ отъ друга по своему составу. Въ основныхъ чертахъ процессъ образованія звуковъ рѣчи сводится къ слѣдующему. Воздухъ, выдыхаемый легкими, входитъ чрезъ дыхательное горло въ гортань и здѣсь встрѣчаетъ на своемъ пути голосовыя связки. Голосовыя связки представляютъ изъ себя два эластичныхъ мускула, имѣющихъ горизонтальное направленіе и соединяющихся съ двумя хрящами. Эти хрящи могутъ въ большей или меньшей степени раздвигаться, вслѣдствіе чего голосовыя связки болѣе или менѣе натягиваются и сообразно съ этимъ или тѣсно соприкасаются между собой и закрываютъ проходъ воздуху между ними въ полость рта, или же между ними остается небольшая щель.

Когда голосовыя связки сильно натянуты и плотно соприкасаются другъ съ другомъ, струя воздуха, поступая изъ легкихъ въ гортань, надавливаетъ на связки, раздвигаетъ ихъ и приводитъ въ ритмическія колебанія, въ результатѣ чего получается музыкальный звукъ, называемый голосомъ. Изъ гортани струя воздуха вмѣстѣ съ образовавшимся голосомъ входитъ въ полость рта. Здѣсь, съ одной стороны, усиливается звукъ, образовавшійся въ гортани, такъ какъ полость рта является прекраснымъ резонаторомъ, а съ другой — струѣ воздуха приходится проходить или чрезъ узкое отверстіе, образуемое сближеніемъ зубовъ и губъ, или итти по болѣе или менѣе узкому проходу, образуемому нёбомъ и болѣе или менѣе приподнятымъ языкомъ, или, наконецъ, раздвигать сомкнутые органы рѣчи. Отъ тренія струи воздуха о поверхность сближенныхъ органовъ рѣчи или вслѣдствіе разрыва ихъ при смыканіи образуется шумъ. Этотъ шумъ присоединяется къ образовавшемуся въ гортани голосу, и въ результатѣ получается звукъ, состоящій изъ голоса и шума. Если при этомъ органы рѣчи сомкнуты или настолько сближены между собой, что для прохожденія воздуха образуется узкій проходъ, то шумъ бываетъ сильнѣе звука и преобладаетъ надъ голосомъ; если же это сближеніе не столь сильно, то шумъ будетъ слабѣе голоса, и голосъ будетъ преобладать надъ шумомъ.

Не всегда однако шумъ образуется только въ полости рта. Полость рта имѣетъ сообщеніе съ полостью носа. Входъ изъ полости рта въ носовую полость можетъ быть свободнымъ и можетъ закрываться. Мягкая часть нёба, приподнимаясь нѣсколько кверху, закрываетъ этотъ проходъ, а опускаясь, дѣлаетъ его свободнымъ. Когда входъ въ носовую полость закрытъ, то струя воздуха вмѣстѣ съ образовавшимся голосомъ входитъ только въ полость рта, и шумъ образуется только въ ней. Если же этотъ проходъ открытъ, то струя воздуха, войдя въ полость рта, вступаетъ чрезъ этотъ проходъ въ носовую полость, отчего звуки получаютъ носовой характеръ и могутъ быть поэтому названы носовыми звуками.

Не всегда также звуки рѣчи состоятъ изъ голоса и шума. Такой составъ имѣетъ звукъ только въ томъ случаѣ, когда голосовыя связки натянуты и между ними нѣтъ прохода для струи воздуха. Но голосовыя связки могутъ быть и не натянуты, и струя воздуха свободно можетъ проходить между ними. Въ такомъ случаѣ въ гортани не образуется голоса, и струя воздуха, пройдя безпрепятственно между голосовыми связками, входитъ въ полость рта. Здѣсь она вступаетъ въ тѣ же условія, какъ и въ томъ случаѣ, когда въ гортани образуется голосъ, т.-е. проходитъ чрезъ сближенные или сомкнутые органы рѣчи, въ результатѣ чего также образуется шумъ, и звукъ въ такомъ случаѣ слѣдовательно будетъ состоять только изъ шума.

Такимъ образомъ звуки нашей рѣчи по своему составу бываютъ трехъ родовъ:

1) они состоятъ изъ голоса и шума, при чемъ голосъ преобладаетъ надъ шумомъ. Наглядно это можно обозначить такъ: Г+ш (Г большое означаетъ большую силу голоса сравнительно съ шумомъ, обозначаемымъ чрезъ ш маленькое);

2) также состоятъ изъ голоса и шума, но шумъ преобладаетъ надъ голосомъ, что, слѣдуя тому же способу обозначенія, выразится такъ — г+Ш

и 3) звуки состоятъ только изъ шума (Ш).

Къ звукамъ первой категоріи принадлежатъ гласные и согласные Р, Л, Н, М; называемые **сонорными**; къ звукамъ второй категоріи принадлежатъ звонкіе согласные, Б, В, Г, Д, Ж, З, а къ третьей — глухіе согласные: К, Т, П, С, Ш, Ф, Х.

Въ гласныхъ звукахъ, на основаніи сказаннаго о мѣстѣ образованія шума, слѣдуетъ различать гласные чистые, образующіеся при закрытомъ входѣ въ полость рта, т.-е. не носовые, и гласные носовые, въ образованіи которыхъ принимаетъ участіе не только полость рта, но и полость носа. Носовые гласные есть, напримѣръ, во французскомъ и польскомъ языкѣ. Въ русскомъ литературномъ языкѣ и въ нарѣчіяхъ русскаго языка носовыхъ гласныхъ въ настоящее время нѣтъ, однако они были въ общерусскомъ языкѣ, но еще до появленія письменности перешли въ гласные чистые.

Изъ согласныхъ только сонорные Н и М образуются при свободномъ проходѣ струи воздуха въ носовую полость, почему называются также согласными **носовыми**.

Гласные звуки обыкновенно образуются при колебаніи голосовыхъ связокъ во всю ихъ длину; но голосовыя связки могутъ звучать и не во всю ихъ длину, а только въ нѣкоторой своей части. Образующійся въ томъ и другомъ случаѣ голосъ не одинаковъ. При частичномъ колебаніи голосовыхъ связокъ онъ, такъ сказать, менѣе полный, чѣмъ когда связки звучатъ во всю длину. Звуки, образующіеся при полномъ голосѣ, называются гласными полнаго образованія, а гласные, образующіеся съ неполнымъ голосомъ, называются гласными неполнаго образованія. Гласные не-

полнаго образованія слышатся рѣже, чѣмъ гласные полнаго образованія. Въ русскомъ литературномъ произношеніи гласный звукъ неполнаго образованія слышится, напримѣръ, на мѣстѣ звуковъ О и А въ неударяемыхъ слогахъ, кромѣ слога, непосредственно предшествующаго ударяемому. Сравнимъ, напримѣръ, въ русскомъ литературномъ произношеніи звуки, обозначаемые буквами О и А въ словахъ молотокъ, молодой, домовой, выговоръ, заказалъ, плакала и т. п. Мы увидимъ, что звуки, обозначаемые буквами О и А, во второмъ къ началу отъ ударяемаго слога и въ слогахъ, слѣдующихъ за ударяемымъ, не тождественны звукамъ, также обозначаемымъ этими буквами въ ударяемомъ и въ предударныхъ слогахъ. На слухъ этотъ гласный неполнаго образованія представляется менѣе яснымъ, чѣмъ гласный полнаго образованія, и воспринимается нами какъ звукъ, похожій на Ы. Гласный звукъ неполнаго образованія слышится въ русской литературной рѣчи въ извѣстныхъ условіяхъ и на мѣстѣ неударяемаго звука Е, но по акустическому впечатлѣнію и по условіямъ образованія онъ отличается отъ гласнаго неполнаго образованія на мѣстѣ О и А. Гласные неполнаго образованія, какъ увидимъ дальше, есть въ бѣлорусскомъ и южновеликорусскомъ нарѣчіи. Въ обычномъ письмѣ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, гласные звуки неполнаго образованія не отличаются отъ гласныхъ полнаго образованія, но въ научныхъ работахъ по русскому языку они имѣютъ особое обозначеніе.

Звонкіе согласные отличаются на слухъ отъ глухихъ большей звучностью, почему и называются звонкими. Большая звучность звонкихъ согласныхъ сравнительно съ глухими становится еще очевиднѣе, если произносить попеременно звонкій и глухой согласный, напримѣръ: Ж, и Ш, З и С, Д и Т, В и Ф и т. д., закрывъ уши. Это отличіе звонкихъ согласныхъ отъ глухихъ имѣетъ свою причину какъ разъ въ томъ обстоятельствѣ, что глухіе согласные состоятъ только изъ шума, а звонкіе не только изъ шума, но и изъ голоса, придающаго имъ большую звучность. Наличность голоса въ звонкихъ согласныхъ и отсутствіе его въ глухихъ можно ощущать также при помощи слѣдующаго пріема. Приложивъ палецъ къ выдающемуся спереди шеи, такъ называемому, кадыку и произнося попеременно звонкіе и глухіе согласные мы при произношеніи звонкихъ будемъ ощущать дрожаніе хряща, при произношеніи же глухихъ этого дрожанія, наоборотъ, не будетъ ощущаться.

Отличіе гласныхъ звуковъ отъ согласныхъ. Обращаясь къ указаннымъ категоріямъ звуковъ и сравнивая между собой звуки рѣчи по ихъ составу, легко замѣтить, что, такъ называемые, гласные звуки по своему составу отличаются существенно отъ глухихъ и только отчасти отъ звонкихъ согласныхъ. Съ сонорными же согласными они имѣютъ совершенно одинаковый составъ—такъ же, какъ и сонорные, состоятъ изъ голоса и шума, при чемъ голосъ у нихъ преобладаетъ надъ шумомъ. Въ чемъ же, возникаетъ вопросъ, заключается отличіе гласныхъ отъ сонорныхъ соглас-

ныхъ, то-есть, почему гласные и сонорные согласные звучатъ неодинаково, если ихъ составъ одинъ и тотъ же? Произнося гласные и сонорные согласные звуки (Р, Л, Н, М) и внимательно слѣдя за положеніемъ органовъ рѣчи при произношеніи тѣхъ и другихъ, нетрудно замѣтить, что при произношеніи гласныхъ органы рѣчи въ меньшей степени сближены, и ротъ открытъ шире, чѣмъ при произношеніи сонорныхъ согласныхъ, не говоря уже о томъ, что при гласныхъ органы рѣчи никогда не бываютъ сомкнуты.

Качественныя отличія звуковъ въ зависимости отъ положенія органовъ рѣчи. Неодинаковымъ положеніемъ органовъ рѣчи обусловливается качественное отличіе другъ отъ друга какъ гласныхъ, такъ и согласныхъ звуковъ. Именно, благодаря этому обстоятельству одинъ гласный звукъ звучитъ иначе, чѣмъ другой, и воспринимается нашимъ слухомъ одинъ какъ И, другой какъ О и т. д. То же можно сказать и о согласныхъ.

Разновидности гласныхъ звуковъ. На качество гласныхъ звуковъ большое вліяніе оказываетъ прежде всего положеніе языка относительно нёба. Наблюдая произношеніе гласныхъ звуковъ, нетрудно замѣтить, что при произношеніи ихъ языкъ не остается въ спокойномъ состояніи, а приподнимается въ направленіи къ нёбу. При произношеніи однихъ гласныхъ подмимается передняя часть языка, кончикъ его, въ направленіи къ передней части нёба. Такое положеніе, напримѣръ, занимаетъ языкъ при произношеніи звука И. При произношеніи другихъ, напр. звука Ы, происходитъ такой же подъемъ языка, но уже средней его части въ направленіи къ срединѣ нёба, приблизительно къ тому мѣсту его, гдѣ оканчивается твердая часть нёба и начинается мягкая. Наконецъ, при произношеніи нѣкоторыхъ гласныхъ замѣчается подъемъ задней части языка къ задней части нёба. Такое положеніе занимаетъ языкъ, напримѣръ, при произношеніи звука А.

Сообразно съ тѣмъ, какая часть языка при образованіи звука поднимается въ направленіи къ той или другой части нёба, всѣ гласные звуки могутъ быть сведены въ три группы.

1) Если въ направленіи къ передней части нёба поднимается кончикъ языка, то гласные звуки, образуемые при такомъ положеніи языка, принято называть гласными передняго ряда.

2) Если въ направленіи къ срединѣ нёба поднимается средняя часть языка, то гласные называются гласными средняго ряда.

3) Если происходитъ подъемъ задней части языка въ направленіи къ задней части нёба, то образуемые при такихъ условіяхъ звуки называются гласными задняго ряда.

Установивъ путемъ наблюденія образованіе гласныхъ звуковъ въ трехъ рядахъ—переднемъ, среднемъ и заднемъ, продолжимъ эти наблюденія дальше. Будемъ произносить слова: зять, печать, кричать такъ, какъ они произносятся въ русскомъ литературномъ языкѣ, и вслушаемся, какъ звучатъ въ этихъ словахъ звуки, обозначаемые буквами Я и А. Легко

замѣтить, что здѣсь мы слышимъ далеко не тѣ звуки, что въ словахъ яма, ярлыкъ, нарядный и т. под., хотя и тамъ и здѣсь на письмѣ они обозначаются одинаково. Прослѣдимъ теперь, какое положеніе занимаетъ языкъ при произношеніи этихъ звуковъ, то-есть, какого ряда будутъ эти звуки. Оказывается, что это будутъ звуки передняго ряда, т.-е. того же ряда, какъ и звукъ И, но кончикъ языка при произношеніи ихъ не такъ высоко приподнятъ къ нёбу, какъ при произношеніи И и даже, сравнительно съ подъемомъ его при И, занимаетъ очень низкое положеніе. Будемъ далѣе произносить звукъ Э, слѣдя за подъемомъ языка. Оказывается, что и звукъ Э также будетъ звукомъ передняго ряда, какъ звукъ И и только что разсмотрѣнный звукъ въ словахъ зять, печать, кричать, обозначаемый буквами Я и А, но при произношеніи его языкъ поднимается въ направленіи къ переднему нёбу выше, чѣмъ при произношеніи звука, обозначаемаго въ словахъ зять, печать, кричать буквами А и Я, и ниже, чѣмъ при произношеніи звука И, т.-е. занимаетъ приблизительно среднее положеніе, хотя всѣ три звука будутъ гласными передняго ряда. Такимъ образомъ въ переднемъ ряду мы можемъ различать три гласныхъ звука, при чемъ при произношеніи одного изъ нихъ передняя часть языка поднимается высоко, т.-е. занимаетъ верхнее положеніе, при произношеніи другого—среднее и при произношеніи третьяго—нижнее. Сообразно съ этимъ, первый звукъ, т.-е. И, называется гласнымъ звукомъ передняго ряда верхняго подъема; звукъ Э—гласнымъ звукомъ передняго ряда средняго подъема и звукъ, наблюдаемый въ словахъ зять, печать, кричать и подобныхъ имъ,—гласнымъ передняго ряда нижняго подъема. Для обозначенія гласнаго звука передняго ряда нижняго подъема въ русской азбукѣ нѣтъ соотвѣтствующей буквы; въ научныхъ же работахъ, т.-е. тамъ, гдѣ требуется больше точности въ обозначеніи звуковъ, его обозначаютъ особымъ буквеннымъ знакомъ (ä).

Примѣчаніе. Нѣсколько дальше мы увидимъ, что, кромѣ отмѣченнаго сейчасъ гласнаго звука передняго ряда нижняго подъема, въ русскомъ языкѣ есть и другіе гласные звуки, для которыхъ также нѣтъ соотвѣтствующихъ буквъ въ русской азбукѣ и которые на письмѣ обозначаются буквами другихъ звуковъ. То же найдемъ и въ бѣлорусскомъ и всякомъ другомъ языкѣ. Отсюда вытекаетъ основное правило, что при наблюденіи надъ звуковымъ составомъ какого-нибудь языка или говора, то-есть надъ тѣмъ, какіе есть звуки въ томъ или иномъ говорѣ, необходимо отрѣшиться отъ нашего обычнаго представленія о звукѣ на основаніи обозначенія его на письмѣ буквой, а внимательно вслушиваться въ произношеніе звука и опредѣлять его по акустическому впечатлѣнію или, еще лучше, по условіямъ образованія.

Въ среднемъ ряду также найдемъ гласные верхняго, средняго и нижняго подъема. Звукомъ средняго ряда верхняго подъема будетъ звукъ Ы.

звукомъ средняго ряда средняго подъема въ русскомъ литературномъ языкѣ будетъ тотъ гласный звукъ неполнаго образованія въ неударяемыхъ слогахъ, кромѣ предударнаго, на мѣстѣ А и О, о которомъ уже приходилось говорить нѣсколько раньше (стр. 000). Въ нѣкоторыхъ условіяхъ въ русской литературной рѣчи слышится и звукъ средняго ряда нижняго подъема, но на письмѣ ни тотъ ни другой звукъ не обозначаются особыми буквами.

Въ заднемъ ряду также, въ зависимости отъ подъема языка, возможны гласные верхняго, средняго и нижняго подъема, но въ русскомъ литературномъ языкѣ есть только гласный нижняго подъема А.

Разсмотрѣнные гласные звуки русскаго литературнаго языка И, Э, Ы, А и другіе произносятся безъ участія губъ. Но произнося звуки О и У, мы замѣтимъ, что при произношеніи ихъ видное участіе принимаютъ и губы—именно, они произносятся съ округленными и вытянутыми впередъ, особенно при У, губами. Такіе звуки, которые произносятся съ подобнымъ участіемъ губъ, называются гласными л а б і а л и з о в а н н ы м и. Гласные же, произносимые безъ округленія и вытягиванія губъ, называются гласными н е л а б і а л и з о в а н н ы м и. Таковы всѣ разсмотрѣнные мною гласные передняго средняго и задняго ряда всѣхъ трехъ подъемовъ.

Въ лабіализованныхъ гласныхъ звукахъ, такъ же какъ и въ нелабіализованныхъ, различаются гласные передняго, средняго и задняго ряда и въ каждомъ ряду также можно различать звуки верхняго, средняго и нижняго подъема. Такъ, опредѣляя положеніе языка при произношеніи звуковъ О и У, замѣтимъ, что оба они образуются при подъемѣ задней части языка въ направленіи къ заднему нёбу и слѣдовательно будутъ гласными задняго ряда; различіе только въ подъемѣ языка: при У онъ занимаетъ верхнее положеніе, а при О среднее. Слѣдовательно, У будетъ лабіализованный звукъ задняго ряда верхняго подъема, а О лабіализованный звукъ задняго ряда средняго подъема. Лабіализованнаго звука задняго ряда нижняго подъема въ русскомъ литературномъ языкѣ не наблюдается, но онъ есть въ нѣкоторыхъ иностранныхъ языкахъ. Этотъ звукъ можно получить, если произносить звукъ О, раскрывъ ротъ нѣсколько шире, приблизительно какъ нужно для произношенія А, не измѣняя при этомъ округленія губъ.

При такихъ условіяхъ языкъ займетъ нижнее положеніе, и въ результатѣ получится лабіализованный звукъ задняго ряда нижняго подъема. На слухъ, то есть по акустическому впечатлѣнію, онъ можетъ быть опредѣленъ, какъ звукъ средній между А и О. Точно также, если нелабіализованные звуки передняго и средняго ряда будутъ произноситься съ участіемъ губъ, то въ результатѣ получатся лабіализованные гласные передняго и средняго ряда всѣхъ трехъ подъемовъ. Въ русскомъ литературномъ языкѣ не всѣ эти звуки слышатся, но при извѣстныхъ условіяхъ нѣкоторые изъ нихъ можно наблюдать. Такъ въ словахъ: л ю б и т ь, л ю б и м е ц ъ, т ю ф я к ъ и т. под. въ первомъ слогѣ слышится лабіализованный звукъ передняго ряда верхняго подъема. На письмѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ

звука, обозначаемаго буквой Ю въ словахъ юный, юла и т. д. Однако, вслушиваясь въ произношеніе того и другого звука и слѣдя за подъемомъ языка при произношеніи ихъ, не трудно замѣтить, что и въ акустическомъ отношеніи и по условіямъ образованія они не тождественны.

Разновидности согласныхъ звуковъ. Наблюдая положеніе органовъ рѣчи при произношеніи, такъ называемыхъ, согласныхъ звуковъ, мы замѣтимъ, что при произношеніи однихъ согласныхъ органы рѣчи въ большей степени сближаются между собой, чѣмъ при произношеніи гласныхъ звуковъ, а при произношеніи другихъ происходитъ даже полное смыканіе органовъ рѣчи. Такъ звуки С, Ш, З и Ж произносятся при очень сильномъ сближеніи зубовъ, а звуки Ф и В при такомъ же сближеніи губъ; также звукъ Х и бѣлорусское или южно-великорусское Г, которое въ отличіе отъ русскаго литературнаго и сѣверно-великорусскаго Г, звучащаго нѣсколько иначе, удобнѣе было бы обозначать другой какой-нибудь буквой, напримѣръ, латинской буквой h образуются при весьма значительномъ сближеніи задней части языка съ задней частью нёба (съ мягкимъ нёбомъ). Струѣ воздуха при образованіи этихъ звуковъ приходится проходить чрезъ очень узкій проходъ, образуемый сближенными органами. Отъ тренія ея о поверхности сближенныхъ органовъ образуется шумъ. Этотъ шумъ составляетъ характерную черту этихъ звуковъ, вслѣдствіе чего ихъ принято называть фрикативными согласными (отъ латинскаго слова fricare — тереть). На слухъ, по акустическому впечатлѣнію, они представляются намъ звуками протяжными—ихъ можно тянуть, произносить, такъ сказать, длительно, почему въ учебникахъ грамматики ихъ и называютъ длительными согласными. Съ другой стороны, не трудно замѣтить, что при произношеніи П и Б происходитъ полное смыканіе губъ; при произношеніи Т и Д такое же смыканіе языка съ верхними зубами, а при произношеніи К и русскаго литературнаго и сѣверно-великорусскаго Г въ сочетаніяхъ КА, ГА, КУ, ГУ, КО, ГО—смыканіе задней части языка съ задней частью нёба. Подъ напоромъ идущей изъ легкихъ струи воздуха происходитъ разрывъ сомкнутыхъ органовъ рѣчи, отчего получается на мѣстѣ смыканія характерный для звуковъ шумъ—взрывъ, а самые звуки поэтому принято называть взрывными согласными. На слухъ, по акустическому впечатлѣнію они, сравнительно съ фрикативными и вообще съ другими звуками нашей рѣчи, представляются произносимыми очень быстро, мгновенно (тянуть ихъ, какъ фрикативные, нельзя), почему въ грамматикахъ ихъ принято называть мгновенными согласными.

Какъ фрикативные, такъ и взрывные согласные въ зависимости отъ того, гдѣ образуется главнымъ образомъ шумъ, могутъ быть раздѣлены на губные, зубные и заднenебные. Губные въ русскомъ языкѣ будутъ слѣдующіе—взрывные Б и П, фрикативные В и Ф, при чемъ Б и В звонкіе а П и Ф глухіе. Зубные взрывные: звонкій Д и глухой Т; фрикативные звонкіе З и Ж и глухіе С и Ш. Звуки З и С по акустическому впечатлѣнію называются свистящими, а Ж и Ш шипящими.

Звуки К, Г, Х и һ въ сочетаніи съ гласными задняго ряда (а, о, у) будутъ задненебными; въ сочетаніи же съ Э, т.-е. въ КЭ, ГЭ, ХЭ, һЭ, они будутъ средненебные, что легко замѣтить, произнося попеременно сочетанія: КА КО, КУ и КЭ; ГА, ГО, ГУ и ГЭ и т. д. Въ русскомъ литературномъ языкѣ, а также и въ нарѣчіяхъ русскаго языка, за исключеніемъ рѣдкихъ діалектическихъ случаевъ, нѣтъ сочетаній КЭ, ГЭ, ХЭ, һЭ, а слѣдовательно нѣтъ и согласныхъ средненёбныхъ. На мѣстѣ ихъ имѣемъ сочетанія: КЕ, ГЕ, ХЕ и һЕ (последнее въ указанныхъ выше нарѣчіяхъ русскаго языка), въ которыхъ звуки К, Г, Х и һ на слухъ представляются болѣе мягкими, чѣмъ въ КЭ, ГЭ, ХЭ, һЭ, почему и называются средненебными смягченными. Средненебными смягченными будутъ въ русскомъ языкѣ эти звуки и въ соединеніи съ И. На письмѣ средненебные смягченные согласные обозначаются тѣми же буквами, что и задненебные.

Къ средненебнымъ смягченнымъ согласнымъ въ русскомъ языкѣ принадлежитъ еще одинъ звукъ, также необозначаемый на письмѣ особой буквой. Будемъ медленно произносить Я, Ю, Е и вслушиваться въ наше произношеніе. Мы скоро замѣтимъ, что Я, Ю, Е не простые звуки, а слоги, состоящіе изъ согласнаго звука, очень похожаго на наше, такъ называемое, И съ краткимъ знакомъ (Й), и гласныхъ А, У, Э. Этотъ согласный звукъ будетъ средненебнымъ смягченнымъ звонкимъ фрикативнымъ. Его принято называть **йотомъ** и въ научныхъ руководствахъ по русскому языку обозначаютъ буквой j. При такомъ обозначеніи Я, Ю, Е будетъ изображаться слѣдующимъ образомъ: ja, jу, je.

> Примѣчаніе. Не всегда однако буквы Я, Ю, Е обозначаютъ въ русскомъ письмѣ слоги JA, JУ, JE. Въ такихъ сочетаніяхъ, какъ НЯ, НЮ, НЕ, ДЯ, ДЮ, ДЕ, ЛЯ, ЛЮ, ЛЕ и т. д. при протяжномъ произношеніи ихъ ясно различаемъ мягкій согласный звукъ Н, Д, Л и гласные А, У, Э. Слѣдовательно йота здѣсь нѣтъ, и Я, Ю, Е обозначаютъ здѣсь звуки А, У, Э въ положеніи ихъ послѣ мягкихъ согласныхъ звуковъ.

Какъ задненёбные, такъ и средненёбные смягченные согласные К и Г будутъ взрывные звуки, а Х и һ фрикативные, при чемъ К и Х глухіе, а Г и һ звонкіе.

Кромѣ губныхъ, зубныхъ, задненёбныхъ и средненёбныхъ согласныхъ, могутъ быть еще согласные, у которыхъ шумъ образуется въ гортани. Такіе согласные называются гортанными. Въ русскомъ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ нарѣчіяхъ нѣтъ гортанныхъ согласныхъ; въ малорусскомъ же и отчасти въ бѣлорусскомъ нарѣчіи къ такимъ согласнымъ принадлежитъ гортанное придыханіе, являющееся 1) на мѣстѣ русскаго литературнаго Г и 2) какъ приставочный звукъ предъ нѣкоторыми гласными въ началѣ слова.

Всѣ фрикативные и взрывные согласные могутъ быть объединены въ одну большую группу **шумныхъ согласныхъ**, такъ какъ шумъ со-

ставляетъ ихъ характерную черту: глухіе взрывные и фрикативные состоятъ только изъ шума, а въ звонкихъ шумъ преобладаетъ надъ голосомъ.

Въ согласныхъ Р, Л, М, Н, наоборотъ, голосъ преобладаетъ надъ шумнымъ и составляетъ ихъ отличительную черту, благодаря чему они и называются сонорными согласными и составляютъ особую группу сравнительно съ шумными согласными. По мѣсту образованія шума Р, Л и Н въ русскомъ языкѣ будутъ зубные, а М губной звукъ, причемъ Н и М въ то же время, какъ уже сказано раньше, носовые звуки, а Р и Л называются обыкновенно плавными. Носовые согласные отличаются отъ плавныхъ и вообще другихъ звуковъ русскаго языка тѣмъ, что при образованіи ихъ открытъ проходъ въ носовую полость.

Слитные согласные (аффрикаты). Всѣ перечисленные согласные звуки будутъ простые согласные: каждый изъ разсмотрѣнныхъ согласныхъ состоитъ изъ одного звука. Но вслушиваясь въ произношеніе въ бѣлорусской рѣчи словъ: дѣдъ, гляди, веди и т. д., мы замѣтимъ что на мѣстѣ русскаго литературнаго Д въ значительной части бѣлорусскихъ говоровъ слышится не звукъ Д, а сложный согласный, въ которомъ на слухъ можно отличить два звука—Д и З, слитыхъ вмѣстѣ. Также и въ произношеніи бѣлорусскихъ гляджу, сяджу, саджаць и т. д замѣтимъ, что звукъ на мѣстѣ русскаго литературнаго Д также есть слитный звукъ, и составными его частями являются звуки Д и Ж. Слитными также звуками будутъ и звуки Ц и Ч: Ц состоитъ изъ звуковъ Т и С, а Ч—изъ Т и Ш, произносимыхъ слитно и по условіямъ образованія нѣсколько отличающихся отъ Т и С, Т и Ш, произносимыхъ отдѣльно.

Всматриваясь въ звуковой составъ слитныхъ звуковъ ДЗ, ДЖ, Ц и Ч, замѣтимъ, что составными элементами ДЗ и ДЖ являются звонкіе зубные звуки: взрывный и фрикативный, а составными элементами Ц и Ч — глухіе зубные согласные: также взрывный и фрикативный. Такіе слитные согласные звуки называются аффрикатами; ДЗ и ДЖ будутъ звонкіе зубные аффрикаты*), а Ц и Ч глухіе зубные аффрикаты. По акустическому впечатлѣнію аффрикаты ДЗ и Ц свистящіе, а ДЖ и Ч шипящіе.

Слогъ, слоговые и неслоговые звуки. Звуки всякаго языка во всѣхъ ихъ разновидностяхъ являются тѣмъ первоначальнымъ элементомъ, изъ котораго формируется наша рѣчь. Однако для каждаго изъ насъ очевидно, что отдѣльныя слова, представляя изъ себя комплексы звуковъ, распадаются не на отдѣльные звуки, а на слоги, состоящіе изъ одного гласнаго звука или изъ гласнаго и нѣсколькихъ согласныхъ звуковъ. Слогъ, состоящій изъ нѣсколькихъ звуковъ, представляетъ изъ себя нѣчто цѣльное—звуки, составляющіе его, какъ бы спаяны между собой. Практика начальнаго обученія дѣтей грамотѣ показываетъ, что на первыхъ порахъ обученія дѣтямъ нелегко бываетъ выдѣлять изъ словъ звуки,

*) За отсутствіемъ значка, который обыкновенно ставится надъ аффрикатами ДЗ и ДЖ и показываетъ слитное произношеніе составляющихъ ихъ звуковъ, они напечатаны здѣсь и далѣе будутъ, къ сожалѣнію, печататься безъ него

и методика обученія грамотѣ указываетъ нѣсколько пріемовъ для такого выдѣленія, между тѣмъ какъ на слоги слова распадаются легко, безъ всякихъ усилій съ нашей стороны. Причина такого тѣснаго объединенія звуковъ въ слоги заключается въ томъ, что звукъ или нѣсколько звуковъ, образующихъ слогъ, произносятся однимъ напоромъ воздуха. Слогъ, оканчивающійся на гласный звукъ, называется открытымъ слогомъ, таковы, напримѣръ, слоги въ словахъ: во-да, зи-ма и т. д. а слогъ, оканчивающійся на согласный звукъ, называется закрытымъ напримѣръ: вод-ный, зим-ній и т. д.

Вслушиваясь въ звуки, входящіе въ составъ слога, нельзя не замѣтить, что гласный звукъ слога произносится съ большей силой, чѣмъ принадлежащіе къ этому слогу согласные. Звукъ, произносимый въ слогѣ съ большей силой, чѣмъ другіе звуки слога, принято называть слоговымъ, а менѣе сильные звуки того же слога неслоговыми. Слоговыми звуками бываютъ преимущественно гласные звуки, но могутъ быть слоговыми также и согласные (главнымъ образомъ сонорные). Напримѣръ, въ современномъ чешскомъ языкѣ слоговыми бываютъ Р и Л, а въ сербскомъ —Р. Съ другой стороны, и гласные звуки не всегда бываютъ слоговыми. Напримѣръ, въ бѣлорусской рѣчи есть У неслоговое: въ словахъ воўк, поўный, даў, прышоў, лаўка и т под. имѣемъ У неслоговое на мѣстѣ Л и В.

Примѣчаніе. Значекъ надъ У означаетъ, что У здѣсь неслоговое.

По силѣ звукъ У здѣсь слабѣе предшествующаго ему гласнаго и примыкаетъ къ нему вмѣстѣ съ такими же неслоговыми согласными. Въ русскомъ литературнымъ языкѣ, а равно и въ нарѣчіяхъ русскаго языка неслоговымъ бываетъ И въ сочетаніи съ предшествующимъ ему гласнымъ; на письмѣ неслоговое И въ русскомъ языкѣ обозначается буквой И съ такъ называемымъ краткимъ знакомъ (Й). Напримѣръ, неслоговое И имѣемъ въ словахъ: случай, найму, пойду, водолей (сравн. случаи, водолеи съ И слоговымъ).

Дифтонги. Иногда въ слогѣ можетъ стоять рядомъ два гласныхъ звука, изъ которыхъ одинъ будетъ слоговымъ, а другой неслоговымъ. Такъ какъ слоговой гласный звукъ произносится съ большой силой, чѣмъ неслоговый, то въ данномъ случаѣ неслоговый гласный примыкаетъ къ слоговому, сливаясь съ нимъ вмѣстѣ. Такое соединеніе двухъ гласныхъ одного слога—одного слоговаго, а другого неслоговаго—называется дифтонгомъ. Такими, напримѣръ, дифтонгами будутъ въ русскомъ языкѣ слоги: ай, ой, ей, уй и т. д. Кромѣ этихъ дифтонговъ, свойственныхъ всѣмъ нарѣчіямъ русскаго языка, въ южно-бѣлорусскихъ и сѣверно-малорусскихъ говорахъ, какъ увидимъ дальше, есть дифтонги, представляющіе соединеніе слоговыхъ съ другими неслоговыми гласными.

Послѣ этихъ краткихъ замѣчаній о природѣ звуковъ вообще перейду къ разсмотрѣнію звукового состава бѣлорусской рѣчи.

ЗВУКОВОЙ СОСТАВЪ СОВРЕМЕННОЙ БѢЛОРУССКОЙ РѢЧИ СРАВНИТЕЛЬНО СЪ ЗВУКОВЫМЪ СОСТАВОМЪ ДРУГИХЪ НАРѢЧІЙ И РУССКАГО ЛИТЕРАТУРНАГО ЯЗЫКА.

Границы бѣлорусской территоріи. Бѣлорусское нарѣчіе является языкомъ почти 10 милліоновъ людей, живущихъ на довольно обширной территоріи. Границы этой территоріи, а слѣдовательно и бѣлорусской рѣчи, если имѣть въ виду только чистые бѣлорусскіе говоры безъ переходныхъ отъ бѣлорусскаго нарѣчія къ тѣмъ нарѣчіямъ русскаго языка, съ которыми граничитъ бѣлорусское, могутъ быть опредѣлены приблизительно слѣдующимъ образомъ.

На сѣверѣ граница проходитъ приблизительно по южной границѣ Псковской и Тверской губерніи отъ озера Высокаго въ Опочецкомъ уѣздѣ Псковской губерніи до рѣки Вазузы.

На югѣ граница идетъ отъ мѣстечка Суража, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, приблизительно до г. Новгородъ Сѣверска, Черниговской губерніи, нѣсколько сѣвернѣе его. Въ этихъ предѣлахъ она отдѣляетъ къ Бѣлоруссіи въ качествѣ южныхъ ея окраинъ небольшую часть на самомъ сѣверѣ Бѣльскаго и Пружанскаго уѣздовъ Гродненской губерніи, небольшую часть Пинскаго уѣзда вдоль его сѣверо-восточной границы, сѣверную часть Мозырскаго уѣзда, приблизительно къ сѣверу отъ рѣки Припяти; почти весь Рѣчицкій уѣздъ Минской губерніи, кромѣ небольшой части на югѣ; сѣверную часть Городнянскаго уѣзда Черниговской губерніи, весь Новозыбковскій и сѣверную часть Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда до рѣки Десны.

Восточная граница бѣлорусскаго нарѣчія проходитъ между конечными на востокѣ пунктами сѣверной и южной границы, отдѣляя къ Бѣлоруссіи почти всю Смоленскую губернію, кромѣ восточной ея части, небольшую часть на западѣ Орловской и часть Черниговской губерніи по рѣкѣ Деснѣ до конечнаго пункта южной бѣлорусской границы на востокѣ.

На западѣ граница проходитъ ломаной линіей между мѣстечкомъ Суражомъ, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи и озеромъ Высокимъ въ Опочецкомъ уѣздѣ, Псковской губерніи. Въ этихъ предѣлахъ, направляясь то на сѣверо-востокъ, то на сѣверо-западъ, она отдѣляетъ къ Бѣлоруссіи юго-восточную часть Люцинскаго, Рѣжицкаго и Двинскаго уѣздовъ Витебской губерніи, часть Иллукстскаго уѣзда Курляндской губерніи, часть Новоалександровскаго уѣзда Ковенской губерніи, почти весь Свѣнцянскій и Виленскій уѣзды, кромѣ сѣверныхъ ихъ частей, небольшую восточную часть Трокскаго уѣзда, почти весь Ошмянскій уѣздъ, кромѣ небольшой части на западѣ; почти весь Лидскій, кромѣ сѣверной его части, почти весь Гродненскій, восточную часть Августовскаго уѣзда Су

валкской губерніи, Сокольскій уѣздъ, кромѣ небольшой части на западѣ, и восточную часть Бѣлостокскаго Гродненской губерніи*).

Сосѣдями бѣлоруссовъ на западѣ являются поляки, литовцы и латыши; на сѣверѣ и востокѣ великоруссы, а на югѣ малоруссы. Сосѣдство бѣлоруссовъ съ великоруссами и малоруссами способствовало образованію говоровъ переходныхъ отъ бѣлорусскихъ къ южно-великорусскимъ, отъ сѣверо-великорусскихъ къ бѣлорусскимъ и отъ малорусскихъ къ бѣлорусскимъ. На западныхъ окраинахъ Бѣлоруссіи среди бѣлоруссовъ живутъ поляки и литовцы; польскія поселенія встрѣчаются также и въ другихъ мѣстахъ Бѣлоруссіи. При характеристикѣ бѣлорусскаго языка въ его современномъ состояніи я буду имѣть въ виду только чисто бѣлорусскіе говоры безъ переходныхъ. Сообразно съ этимъ опредѣлена мною приблизительно и бѣлорусская территорія.

Современное состояніе бѣлорусскаго нарѣчія. Въ означенныхъ предѣлахъ бѣлорусская рѣчь въ современномъ своемъ состояніи не вездѣ одинакова. Вслушиваясь въ рѣчь бѣлоруссовъ изъ разныхъ мѣстностей, нельзя не замѣтить, что въ ихъ говорахъ есть свои особенности. Напримѣръ, говоры юга Бѣлоруссіи имѣютъ такія черты, какихъ нѣтъ въ другихъ бѣлорусскихъ говорахъ; также сѣверо-восточные бѣлорусскіе говоры, какъ увидимъ дальше, отличаются отъ юго-западныхъ и т. д. Но въ то же время нетрудно замѣтить, что несмотря на это бѣлорусскому языку во всемъ его объемѣ, т.-е. всѣмъ его нарѣчіямъ и говорамъ, свойственны общія черты, которыя поэтому могутъ быть названы общебѣлорусскими. Такъ какъ главнымъ образомъ эти черты во всей ихъ совокупности и и характеризуютъ бѣлорусскую рѣчь, отличая ее отъ другихъ нарѣчій русскаго языка, то при характеристикѣ бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи я буду разсматривать сначала общебѣлорусскія черты, а потомъ встрѣчающіяся только въ отдѣльныхъ говорахъ.

Звуки общебѣлорускіе. Гласные звуки. Гласные звуки въ бѣлорусскомъ языкѣ, свойственные всѣмъ его нарѣчіямъ, приблизительно тѣ же, что и русскомъ литературномъ языкѣ**). Въ этомъ отношеніи бѣлорусская рѣчь сближается главнымъ образомъ съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ и отчасти расходится съ малорусскимъ и сѣверно-великорусскимъ. Такъ а) звуки И и Е въ бѣлорусскомъ нарѣчіи, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ и вообще въ великорусской рѣчи, смягчаютъ предшествующіе имъ согласные звуки, между тѣмъ какъ въ малорусскомъ языкѣ предшествующіе имъ согласные тверды. Сравн., напримѣръ, эти

*) Болѣе подробно границы бѣлорусскаго нарѣчія даются въ трудахъ ак. Е. Ѳ. Карскаго и въ „Трудахъ Московской Діалектологической Комиссіи“, вып. 5. (Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ). См. также пособія общаго характера по русскому языку, напримѣръ, профес. В. К. Поржезинскаго. Краткое пособіе къ лекціямъ по исторической грамматикѣ рус. языка. Изд. 2-ое.

**) Опредѣленіе бѣлорусскихъ гласныхъ по условіямъ образованія и разновидности гласныхъ звуковъ въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій см. у Е. Ѳ. Карскаго. Бѣлоруссы, т. II, ч. 1-я, стр. 4—12.

звуки въ бѣлорусскомъ, великорусскомъ и малорусскомъ произношеніи слѣдующихъ словъ: пень, купецъ, листъ, одинъ и т. д.; б) въ бѣлорусской рѣчи, такъ же какъ и въ великорусской, различаются звуки И и Ы, въ малорусской же звуки И и Ы совпали въ одномъ звукѣ, среднемъ между И и Ы. Сравн., напр., и тамъ и здѣсь произношеніе словъ одинъ, рыба, сынъ, лысый и т. д.; в) бѣлорусской рѣчи, такъ же какъ русской литературной и южно-великорусской, свойственны въ извѣстныхъ условіяхъ гласные звуки неполнаго образованія на мѣстѣ неударяемыхъ А, О, Е, о чемъ рѣчь ниже, чего нѣтъ ни въ малорусскомъ, ни въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи.

Неслоговые гласные. Особенность бѣлорусскаго языка, отличающую его отъ русскаго литературнаго, составляетъ наличность въ немъ У неслоговаго и болѣе широкое, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, употребленіе И неслоговаго.

Неслоговое У въ бѣлорусской рѣчи слышится:

а) на мѣстѣ В послѣ гласнаго звука предъ слѣдующимъ согласнымъ напримѣръ: лаўка, праўда, даўно, пошли ў двоемъ, пашли ў хату, хадзила ў горат и т. д.

б) на мѣстѣ В въ началѣ слова предъ согласнымъ, при чемъ такое Ў очень кратко, напримѣръ: ўнук, ўдава и т. д.

в) на мѣстѣ В въ концѣ слова, напримѣръ: кроў (ковь), любоў (любовь), пудоў (пудовъ) и т. д.

г) на мѣстѣ русскаго литературнаго неударяемаго У предъ согласнымъ звукомъ въ началѣ слова или послѣ гласнаго звука предыдущаго слова, напримѣръ: ўгроза (угроза), ўдача (удача), ўмёр, была ў брата, стали ўчыць и т. д.

д) на мѣстѣ Л въ глагольныхъ формахъ: даў, сказаў, рубиў, спаў и т. д. (далъ, сказалъ, рубилъ, спалъ).

е) также на мѣстѣ русскаго литературнаго Л внутри словъ при извѣстныхъ условіяхъ, о чемъ рѣчь ниже, напр.: воўк (волкъ), шоўк (шелкъ), поўный (полный), жоўтый (желтый) и т. д.

Неслоговое И, помимо тѣхъ случаевъ, когда онъ имѣетъ мѣсто въ русскомъ литературномъ языкѣ, въ бѣлорусскомъ нарѣчіи слышится въ началѣ слова на мѣстѣ неударяемаго И послѣ гласнаго звука предыдущаго слова, а также и безъ этого условія въ началѣ слова предъ согласнымъ, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ И неслоговое очень кратко, напримѣръ: на йголку, я й ты, за Йвана, йграць (играть), йголка (иголка), ймя (имя), (послѣднія три съ очень краткимъ И).

Согласные звуки. Въ области согласныхъ звуковъ бѣлорусская рѣчь представляетъ больше отклоненій отъ русскаго литературнаго языка, чѣмъ въ гласныхъ.

1) На мѣстѣ русскаго литературнаго Г взрывнаго въ бѣлорусской рѣчи слышится или Г фрикативное, какъ въ южно-великорусской рѣчи, или гортанное придыханіе, какъ въ малорусской. Г взрывное въ бѣлорусской рѣчи

очень рѣдко. Съ такимъ Г произносятся нѣкоторыя слова, заимствованныя изъ польскаго языка—грунт, ганки (или ганак), гуз, глей и нѣкоторыя другія; его можно также слышать въ сочетаніи ЗГ: розга, мозгъ, мазги и т. д.

2) Особенность бѣлорусской рѣчи, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, составляютъ аффрикаты—звонкая зубная свистящая ДЗ на мѣстѣ русскаго литературнаго Д мягкаго, напримѣръ: дзѣт, сядзи, глядзи и т. д. и звонкая зубная шипящая ДЖ на мѣстѣ русскаго литературнаго Д въ глагольныхъ формахъ, напр.: сяджу, саджала, саджаць, раджаць и т. д. и въ нѣкоторыхъ именахъ — ўраджай (урожай), паходж (похожъ) и друг.

3) Большее распространеніе, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, имѣетъ въ бѣлорусской рѣчи аффриката Ц: кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ она слышится и въ русскомъ литературномъ языкѣ, бѣлорусская рѣчь имѣетъ ее и на мѣстѣ Т мягкаго: сѣсць, глядзѣць, ацец (отецъ), идзець (идетъ) и т. д.

4) Въ бѣлорусской рѣчи нѣтъ звука Ф. на мѣстѣ русскаго литературнаго Ф бѣлорусская рѣчь имѣетъ П, или Х или ХВ, напримѣръ: Пилип (Филиппъ), Пёкла (Фёкла), хунтъ, хранцузъ, хванарь, хвокусъ, хвамилія; Хвёдаръ, ахвицеръ, Хвилип (Филиппъ) и т. д.

Въ области согласныхъ звуковъ бѣлорусская рѣчь расходится съ русской литературной и въ томъ отношеніи, что нѣкоторые согласные, будучи твердыми и мягкими въ русскомъ литературномъ языкѣ, въ бѣлорусской рѣчи могутъ быть или только твердыми или только мягкими. Такъ въ русскомъ литературномъ языкѣ всѣ согласные звуки, кромѣ Ш и Ж и аффрикатъ Ц и Ч, могутъ быть и твердыми и мягкими, причемъ Ч только мягко, а Ш, Ж и Ц только тверды. Бѣлорусская же рѣчь представляетъ слѣдующія особенности.

1) Губные Б, П, М тверды а) на концѣ словъ, напр.: сем, восим (восемь), цѣп, сып, голуп и т. д.; б) внутри словъ предъ согласнымъ, напримѣръ: щепки*); в) въ положеніи предъ йотомъ, напримѣръ: выпъю, забъю, пъеш, симъя (семья) и т. д.

Примѣчаніе. При медленномъ произношеніи бѣлорусскихъ пъю, пъеш, пъяница, симъя и т. под. ясно слышится твердый губной согласный + j + гласные У, Э, А. Сравн. произношеніе словъ (но только не на югѣ Бѣлоруссіи, о чемъ рѣчь ниже) мяса, пяць, пятка, гдѣ имѣемъ—мягкій губной согласный + гласный А.

Въ остальныхъ же положеніяхъ, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, губные Б, П, М могутъ быть и твердыми и мягкими.

Все сказанное о губныхъ Б, П, М въ одинаковой степени относится и къ звуку В, кромѣ положенія его въ тѣхъ условіяхъ, гдѣ онъ не сохраняется, а переходитъ въ У несогласное.

---

*) Московское произношеніе—щепьки. См. „Труды Моск. Діалект. Комис.", вып. 5, стр. 50.

2) Зубные Д и Т, кромѣ нѣкоторыхъ говоровъ на сѣверо-востокѣ Бѣлоруссіи, только тверды, такъ какъ мягкіе Д и Т во всѣхъ другихъ говорахъ Бѣлоруссіи подвергаются измѣненію, о чемъ рѣчь ниже.

3) Звукъ Р бываетъ твердымъ и мягкимъ только на сѣверо-востокѣ Бѣлоруссіи, на юго-западѣ же онъ только твердъ. Акад. Е. Ѳ. Карскій дѣлитъ въ этомъ отношеніи бѣлорусскіе говоры на твердо-эровые юго-западные и мягко-эровые сѣверо-восточные и границу между ними проводитъ*) по линіи отъ Себежа на Городокъ, Витебскъ, Горки, Пропойскъ, черезъ рѣку Бѣседь къ границѣ Черниговской губерніи и далѣе почти по границѣ Гомельскаго уѣзда съ Новозыбковскимъ до южной границы Бѣлоруссіи.

4) Аффриката Ч всегда тверда, напр.: чыста, ноч, ночы, вочы (очи) и т. д.

5) Аффриката Ц въ соотвѣтствіи русскому литературному Ц, такъ же какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, тверда, но Ц въ соотвѣтствіи русскому литературному Т мягкому всегда мягко, напримѣръ: купец, маладзец, но-хадзиць, глядзѣць, ацец (отецъ) и т. д.

Звуки, свойственные отдѣльнымъ діалектамъ бѣлорусской рѣчи. Гласные звуки. Нѣкоторое отклоненіе отъ системы общебѣлорусскихъ звуковъ представляютъ отдѣльные бѣлорусскіе діалекты (говоры).

Наиболѣе крупной діалектической чертой въ области гласныхъ являются дифтонги УО͡, 'УО͡ (то-есть УО͡ послѣ мягкаго согласнаго звука) и ИЕ͡ на мѣстѣ О, 'О (то-есть О послѣ мягкаго согласнаго звука, въ русскомъ языкѣ на письмѣ Ё) и Е не бѣглыхъ**) въ закрытыхъ слогахъ подъ удареніемъ и дифтонгъ ИЕ͡ на мѣстѣ ударяемаго Ѣ не только въ закрытомъ, но и въ открытомъ слогѣ, напримѣръ: куонь, вуол, мюод (мёдъ), пиеч, сием (семь) лиес, хлиеб (хлѣбъ), биелы, на вадзие (на водѣ), на вакние (на окнѣ) и т. д.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласные О и Е въ закрытыхъ слогахъ не переходятъ въ дифтонги, напримѣръ, въ словахъ: воўк, доўгій, кроў (кровь), дроў (дровъ, род. п. мн. чис.), возьмуць и друг. Причина этого заключается въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ въ древнѣйшую эпоху жизни русскаго языка въ закрытыхъ слогахъ были не О, Е, а другіе звуки, которые по своей природѣ не могли переходить въ дифтонги.

Дифтонги въ указанныхъ условіяхъ встрѣчаются только въ южной части Бѣлоруссіи, граничащей съ областью сѣверно-малорусскихъ говоровъ, также имѣющихъ тѣ же дифтонги. Территорія бѣлорусскихъ говоровъ, имѣющихъ дифтонги, опредѣляется приблизительно такъ***): сѣверная гра-

*) „Бѣлорусская рѣчь", стр. 28; Бѣлоруссы, т. II, ч. 1, стр. 382.

**) Бѣглыми въ учебникахъ грамматики называются О и Е въ томъ случаѣ, если они выпадаютъ при измѣненіи слова, напримѣръ: сонъ, сна, сну и т. д. день, дня, дню и т. д., купецъ, купца и т. д. Въ словахъ же дымъ, конь О и Е не бѣглое—домъ, дома, дому и т. д., конь, коня, коню и т. д.

***) Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, т. II, ч. 1, стр. 133.

ница ея идетъ приблизительно по линіи чрезъ Гродно, Лиду, южнѣе Минска, чрезъ Игуменъ и Бобруйскъ; на западѣ дифтонги исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ Польшѣ, а на востокѣ ихъ уже нѣтъ въ сѣверной части Игуменскаго уѣзда, въ восточной и юго-восточной Бобруйскаго и въ восточной Рѣчицкаго.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ неслоговыми въ дифтонгахъ бываютъ не О, Е, а У и И: кўонь, пйеч, сйем (семь), лйес и т. д. Въ иныхъ говорахъ дифтонгъ на мѣстѣ О имѣетъ нѣсколько иной видъ—ОŎ, ОЎ, напримѣръ: воŏз (возъ), воўз, коŏнь, коўнь и т. д.

Согласные, встрѣчающіеся только въ отдѣльныхъ говорахъ. Діалектическія отклоненія отъ общебѣлорусской системы согласныхъ отчасти уже отмѣчены при перечисленіи общебѣлорусскихъ согласныхъ. Перечисляя общебѣлорусскіе согласные, приходилось отмѣчать, что юго-западные говоры знаютъ только твердое Р, что мягкіе Д и Т слышатся только на сѣверо-востокѣ Бѣлоруссіи, особенно въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ великорусскими говорами.

Какъ на діалектическую черту въ системѣ бѣлорусскихъ согласныхъ, можно указать на шепелявый характеръ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ говорахъ мягкаго С и отчасти З; напримѣръ, въ словахъ—сяло, вясло, зима, зимля и подобныхъ имъ звукъ С звучитъ какъ звукъ близкій къ Ш, а З—какъ близкій къ Ж, но эта черта еще недостаточно обслѣдована, и на нее имѣются лишь единичныя указанія.

ГЛАВНѢЙШІЯ ИЗМѢНЕНІЯ ЗВУКОВЪ БѢЛОРУССКОЙ РѢЧИ.

Явленія общебѣлорусскія въ области гласныхъ звуковъ. Разсмотрѣнный нами звуковой составъ бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи есть тотъ матеріалъ, изъ котораго строится бѣлорусская рѣчь путемъ разнообразнаго сочетанія звуковъ въ отдѣльныя слова. Въ этихъ сочетаніяхъ звуки, какъ и во всякомъ другомъ языкѣ, подвергаются въ извѣстныхъ условіяхъ разнаго рода измѣненіямъ Совокупность этихъ измѣненій вмѣстѣ со всей системой звуковъ составляетъ звуковой обликъ бѣлорусскаго языка, опредѣляющій его, какъ таковой и отличающій его отъ другихъ русскихъ языковъ. Одни изъ такихъ измѣненій общебѣлорусскія, то-есть свойственны всѣмъ нарѣчіямъ и говорамъ бѣлорусскаго языка, а другія характеризуютъ только нѣкоторые говоры. Разсмотримъ отдѣльно тѣ и другіе.

Общебѣлорусскія измѣненія въ области гласныхъ звуковъ слѣдующія:

1) Такъ называемое аканье, т. е. измѣненіе въ А и 'А (на письмѣ обозначается буквой Я) неударяемыхъ О и Е или во всякомъ положеніи ихъ относительно удоряемаго слога и независимо оттого, какой гласный звукъ находится въ слѣдующемъ слогѣ, или только при извѣстныхъ условіяхъ, о чемъ рѣчь дальше. На всемъ пространствѣ бѣлорусской территоріи аканье неодинаково: неударяемые О и Е не вездѣ подвергаются одина-

ковому измѣненію. Общимъ въ данномъ случаѣ явленіемъ для всей Бѣлоруссіи будетъ измѣненіе неударяемыхъ О и Е—и только; что же касается того, въ какіе звуки измѣняются они и при какихъ условіяхъ происходятъ эти измѣненія, то въ этомъ отношеніи въ бѣлорусской рѣчи различаются слѣдующія разновидности аканья:

а) такъ называемое диссимилятивное аканье. Неударяемые О и Е переходятъ въ А, 'А (Я) только въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ предударномъ, если подъ удареніемъ не А, 'А (Я), а какой-нибудь другой звукъ; если же въ ударяемомъ слогѣ А, 'А, что звуки О и Е въ предударномъ слогѣ переходятъ или въ гласные неполнаго образованія, на слухъ близкіе къ Ы и И, или на мѣстѣ ихъ слышатся довольно явственные Ы и И. Напримѣръ: саху, ваду, нагу, вады, вязну, вязнѣ, сястры, сястрѣ, далека, близка, но ныга, выда, сыха, висна, систра и т. д. Въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ на мѣстѣ О и Е слышатся также гласные неполнаго образованія или звуки Ы и И, напр. сылавёй, пысядзили, гылывà, пыкидаиш, ыыглядзим, сирида, восинь, пàлачка, сàнычка и т. д. Такому же измѣненію подвергается въ этихъ говорахъ и неударяемое А въ предударномъ слогѣ, если въ ударяемомъ слогѣ А, и въ прочихъ неударяемыхъ слогахъ, кромѣ конечнаго открытаго. Напримѣръ: дыла (дала), скызàла, зыкрычыць, здзѣлыў (сдѣлалъ), зарѣзыла (зарѣзала), плàкыла и т. д. Въ конечномъ открытомъ слогѣ и въ предыдущемъ, если въ ударяемомъ слогѣ не А, а какой-нибудь другой звукъ, А сохраняется, напримѣръ, гòрыда (города), порыха, набиў, закрыў и т. д.

Этотъ видъ аканья встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Себежскаго, Невельскаго, Городокскаго и Витебскаго уѣздовъ, Витебской губерніи; въ восточной части Могилевской губерніи и въ сѣверной Черниговской.

б) Такъ называемое сильное аканье: на мѣстѣ неударяемыхъ О и Е слышится звукъ А, 'А полнаго образованія. Напримѣръ: вяда, нага, сястра, вязна, вясну, вазу, галава, насадзили, плакала и т. д. Сильное аканье встрѣчается въ южной части Иллукстскаго уѣзда, Курляндской губерніи, въ южной части Ново-Александровскаго уѣзда, Ковенской губерніи, въ Дриссенскомъ Лепельскомъ и юго-восточной части Полоцкаго уѣзда, Витебской губерніи, въ Диссенскомъ уѣздѣ Виленск. губ., въ Борисовскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, Сѣннянскомъ, южной части Оршанскаго, въ Горецкомъ, въ восточной его части, Могилевскомъ, Чаусскомъ и отчасти въ Чериковскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

в) Умѣренное аканье: неударяемые О и Е переходятъ въ А, 'А (Я) только въ слогахъ, предшествующихъ ударяемому, А въ слогахъ, слѣдующихъ за удареніемъ, сохраняются. Напримѣръ: маладòго, рано, пòзно (поздно), пòле, гòре и т. д. Умѣренное аканье встрѣчается въ въ Виленской губерніи, за исключеніемъ сѣверной и западной ея частей, населенныхъ не бѣлоруссами, въ Слонимскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, Новогрудскомъ Игуменскомъ, и отчасти Быховскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

г) Такъ называемое слабое аканье—неударяемые О и Е иногда не подвергаются переходу въ А, 'А или въ гласные неполнаго образованія и въ предударныхъ слогахъ, вслѣдствіе чего въ предударныхъ слогахъ наблюдается колебаніе между гласными О, Е, съ одной стороны, и А, 'А или гласными неполнаго образованія и ихъ замѣстителями—съ другой, напримѣръ: голова́, вода́, но также и—хадзиць, насиць и т. д.

Слабое аканье характеризуетъ главнымъ образомъ южно-бѣлорусскіе говоры, граничащіе съ сѣверномалорусскими, и встрѣчается въ южныхъ частяхъ Могилевской, Минской и Гродненской губерній.

Въ отдѣльныхъ бѣлорусскихъ говорахъ можно встрѣтить и иныя разновидности аканья. Для исторіи бѣлорусскаго языка разновидности аканья имѣютъ чрезвычайно важное значеніе. При выясненіи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ жизни бѣлорусскаго языка въ прошломъ весьма важно бываетъ знать, какой видъ аканья въ томъ или другомъ бѣлорусскомъ говорѣ; поэтому при наблюденіи надъ бѣлорусскими говорами той или иной мѣстности необходимо съ особеннымъ вниманіемъ относиться къ этой чертѣ бѣлорусской рѣчи и возможно точнѣе опредѣлять звукъ на мѣстѣ О, Е и А въ предударномъ и другихъ неударяемыхъ слогахъ.

Кромѣ бѣлорусской рѣчи, аканье свойственно также южно-великорусскому нарѣчію и русскому литературному языку, хотя и тамъ и здѣсь оно не вполнѣ тождественно съ бѣлорусскимъ аканьемъ. Въ русскомъ литературномъ произношеніи неударяемые О и Е также не сохраняются. Вслушиваясь въ живое русское литературное произношеніе, а не отождествляя его съ письмомъ, съ изображеніемъ слова на письмѣ, не трудно замѣтить, что неударяемое О въ предударномъ слогѣ всегда звучитъ какъ А, а въ другихъ неударяемыхъ слогахъ слышится звукъ, неясный въ акустическомъ отношеніи; по условіямъ образованія его, по крайней мѣрѣ, въ московскомъ произношеніи, опредѣляютъ *), какъ гласный звукъ неполнаго образованія средняго ряда средняго подъема (см. выше стр. 207).

Въ южно-великорусскомъ нарѣчіи аканье такъ же, какъ и въ бѣлорусскомъ, представляетъ нѣсколько разновидностей **), но сходится съ бѣлорусскимъ въ большинствѣ случаевъ только въ своей основѣ—въ фактѣ измѣненія неударяемыхъ О и Е, а въ нѣкоторыхъ условіяхъ и А. Сопоставленіе разновидностей южно-великорусскаго и бѣлорусскаго аканья приводитъ къ весьма цѣннымъ выводамъ при рѣшеніи нѣкоторыхъ вопросовъ изъ исторіи бѣлорусскаго языка, но вопросы эти, какъ спеціальные, не подлежатъ разсмотрѣнію въ настоящемъ курсѣ.

Изъ другихъ общебѣлорусскихъ явленій въ области гласныхъ звуковъ отмѣчу во-2) переходъ въ 'О (Ё) ударяемаго Е въ положеніи его

---

*) Пр.-Доцентъ Д. Н. Ушаковъ. Краткое введеніе въ науку о языкѣ, изд. 3-е, стр. 25 и 41.

**) О разновидностяхъ южно-великорусскаго аканья см. акад. А. А. Шахматовъ. Курсъ исторіи русск. яз., читанный въ Петроградскомъ Университетѣ въ 1909—10 учебн. году. Ч. II. Второе литографирован. изданіе, стр. 294—308, а также Профес. Н. Н. Дурново. Діалектологическія разысканія въ области великорусскихъ говоровъ. Ч. I, вып. 1-й и 2-й.

предъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, кромѣ шипящихъ Ш и Ж, напримѣръ: нёс, вёў (велъ), слёзы, цётка (тётка) и т. д., но — пайдеш (пойдёшь), нясеш, адзежа, (одежда), ляпешка (лепёшка), дзешыва (дёшево) и т. д.

При такихъ же условіяхъ переходитъ Е въ 'О (Ё) и въ южно-великорусскомъ нарѣчіи и въ русскомъ литературномъ языкѣ съ той лишь разницей, что въ нихъ Е переходитъ въ 'О (Ё) и предъ шипящими Ш и Ж, напримѣръ: идёш, несёш (на письмѣ — идёшь, несёшь), лепёшка и т. д.

Въ отдѣльныхъ случаяхъ въ бѣлорусской рѣчи Е въ указанныхъ условіяхъ не переходитъ въ 'О (Ё), напримѣръ: смерс (смёрзъ), умéрла, éлка и т. д. и наоборотъ, этотъ переходъ имѣется тамъ, гдѣ его нѣтъ въ южно-великорусскомъ нарѣчіи и русскомъ литературномъ языкѣ—ёсць (есть), ёй и друг.

3) На мѣстѣ великорусскаго и русскаго литературнаго О и Е въ бѣлорусскомъ языкѣ находимъ Ы и И: а) въ окончаніи именъ прилагательныхъ, напримѣръ: худый, злый и т. д., б) въ такихъ существительныхъ, какъ памыи (помои), шыя (шея) и друг. и в) въ такихъ глагольныхъ формахъ, какъ мыю, мыеш, крыю, рыю, напійся и т. д.

4) Вмѣсто великорусскихъ и русскихъ литературныхъ сочетаній внутри слова —ро—, —ло—, —ре—, —ле— бѣлорусская рѣчь представляетъ преимущественно не въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ сочетанія: —ры—, —лы—, —ри—, —ли—, напримѣръ: крыви (крови), дрыжáць, глытáць, блыхá, крышыць, слизá, блисцѣць и т. д., но — кроў (кровь), слёс, блох.

5) Неударяемые У и И, находясь предъ согласнымъ звукомъ въ началѣ слова или слѣдуя за гласнымъ предыдущаго слова, переходятъ въ неслоговые Ў и Й, напримѣръ: ўдача (удача), ўмёр, была ў брата, стали ўчыць, йграць, йголка, ймя, на йголку, я й ты, за Йвана и т. д. (ср. выше стр. 203).

6) Съ точки зрѣнія современнаго языка можно говорить о приставочномъ, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, звукѣ И въ началѣ словъ предъ Р, Л, М и отчасти другими согласными, напримѣръ— иржа, ирваць, ильну, Имглинъ (городъ Мглинъ Черниговской губерніи), иржаць, игруши (груши) и т. д.

Общебѣлорусскія измѣненія согласныхъ звуковъ

Наиболѣе крупнымъ общебѣлорусскимъ явленіемъ въ области согласныхъ звуковъ слѣдуетъ признать: 1) такъ называемое дзеканье и цеканье, т.-е. измѣненіе мягкихъ Д и Т въ аффрикаты ДЗ и Ц, напримѣръ: сядзи, вядзи, сядзѣць, ацец (отецъ), цяпер (теперь) при — сяду, вяду и т. д. Это явленіе составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ бѣлорусскаго языка. Правда, распространено оно на территоріи бѣлорусской рѣчи нѣсколько неравномѣрно—на юго-западѣ оно встрѣчается почти повсемѣстно, а на сѣверо-востокѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно сосѣднихъ съ великорусскими говорами, на мѣстѣ ДЗ и Ц слышатся Д и Т мягкіе — сяди, гляди, атец, нясеть и т. д. Но въ этихъ говорахъ въ Д и Т мягкихъ на

мѣстѣ аффрикатъ ДЗ и Ц можно видѣть южно-великорусское вліяніе и слѣдовательно говорить объ измѣненіи Д и Т мягкихъ въ аффрикаты ДЗ и Ц, какъ объ общебѣлорусскомъ явленіи.

Примѣчаніе. Такой же наиболѣе характерной чертой бѣлорусскаго языка, отличающей его отъ другихъ русскихъ нарѣчій, является и твердое Р на мѣстѣ великорусскаго мягкаго. Но это явленіе свойственно не всѣмъ бѣлорусскимъ говорамъ въ одинаковой степени, о чемъ рѣчь ниже, а отчасти уже сказано при описаніи звукового состава бѣлорусской рѣчи.

2) Звукъ В въ условіяхъ, указанныхъ выше (стр. 203. Неслоговые гласные, §§ а, б, в), переходитъ въ Ў (У неслоговое).

3) Твердый Л переходитъ въ неслоговое У: а) на концѣ глагольныхъ формъ, имѣющихъ значеніе прошедшаго времени, напримѣръ: даў, хадзіў, купиў и т. д. и б) внутри словъ предъ согласнымъ звукомъ въ сочетаніи ОЛ или въ соотвѣтствующемъ измѣненіи его при томъ или другомъ видѣ аканья, напримѣръ: воўк, поўный, жоўтый, доўгій, жаўтокъ (желтокъ), чаўнок и т. д.

Въ нѣкоторыхъ словахъ, напримѣръ: игэлка, полка, Миколка и друг. Л въ указанныхъ условіяхъ не подвергается такому переходу.

Переходъ въ однихъ словахъ въ Ў звука Л въ сочетаніи ОЛ и отсутствіе его въ другихъ находитъ себѣ объясненіе въ исторіи звуковъ бѣлорусскаго языка: современное сочетаніе ОЛ въ тѣхъ и другихъ словахъ не тождественны другъ другу по всему происхожденію, и судьба ихъ поэтому въ дальнѣйшемъ была не одинакова.

Подобный переходъ Л въ Ў происходитъ и въ малорусскомъ языкѣ съ той лишь разницей, что въ отдѣльныхъ малорусскихъ говорахъ такому переходу подвергается Л въ сочетаніи не только съ О, но и съ другими гласными.

4) Вслушиваясь въ русское литературное произношеніе словъ: судья, брусья, платье, вязанье, плетенье и подобныхъ имъ, легко замѣтить, что послѣ мягкихъ согласныхъ Д, С, Т, Н слышится j (йотъ) + гласные А или Э. Слѣдовательно мягкій согласный звукъ въ такихъ словахъ находится предъ j. Въ бѣлорусской рѣчи на мѣстѣ русскихъ литературныхъ мягкихъ согласныхъ или шипящихъ и слѣдующаго за ними j (йота) находимъ удвоенные или долгіе согласные, напримѣръ: кольля, брусься, плацьця, вясельля, свиньньня, валосься, судзьдзя, суччa, ружжо и т. д.

Иногда на мѣстѣ русскихъ литературныхъ мягкихъ Д и Т предъ j (йотъ) слышатся не двойныя или долгія аффрикаты ДЗ и Ц, а мягкіе Д или Т + аффрикаты ДЗ или Ц, напримѣръ: судьдзя, платьця и т. д.

Въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ слышатся двойные или долгіе согласные и на мѣстѣ бѣлорусскихъ твердыхъ (Р или губныхъ) въ соотвѣтствіи русскимъ литературнымъ сочетаніямъ: мягкій согласный звукъ + j въ положеніи ихъ предъ гласнымъ, т. е. въ такихъ словахъ, какъ— Марья, перья, рыбья, хлопье и т. под.

Въ появленіи въ указанныхъ условіяхъ двойныхъ или долгихъ согласныхъ бѣлорусская рѣчь сходится съ малорусскимъ нарѣчіемъ.

5) Задненёбные звуки К, һ (Г фрикативное), Х въ бѣлорусскомъ языкѣ измѣняются въ формахъ мѣстнаго падежа*) единственнаго числа мужескаго и средняго рода ед. ч. и дательнаго и мѣстнаго падежей единственнаго числа именъ женскаго рода съ окончаніемъ А въ свистящіе—Ц, З, С, напримѣръ: на парози (на порогѣ), у вуси (въ ухѣ), руцѣ, назѣ, на руцѣ, на назѣ, на сасѣ (на сохѣ), на рацѣ (на рѣкѣ), пры дарози, на дасцѣ (на доскѣ) и т. д., а въ звательномъ падежѣ един. числа мужескаго рода—въ шипящіе: чалавѣче, воўче и т. д.

Измѣненіе задненёбныхъ въ шипящіе и свистящіе въ указанчыхъ условіяхъ есть явленіе очень древнее—оно было еще въ общерусскомъ языкѣ. Въ настоящее время его нѣтъ ни въ русскомъ литературномъ языкѣ, ни въ великорусскихъ нарѣчіяхъ; кромѣ бѣлорусскаго, оно сохранилось также въ малорусскомъ нарѣчіи.

6) Такъ же какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ звонкіе согласные предъ глухими согласными, а также на концѣ слова переходятъ въ глухіе, напримѣръ: лошка (ложка), дарошка (дорожка), бутка (будка), дзѣт, лоп, сат, голуп и т. д. Глухіе же, наоборотъ, предъ звонкими становятся звонкими, напр.: з дзѣдам, аддай (отдай) и т. д.

Въ измѣненіи въ указанныхъ условіяхъ звонкихъ согласныхъ бѣлорусская рѣчь сходится съ великорусскими нарѣчіями и отличается отъ малорусскаго, гдѣ звонкіе согласные въ этихъ условіяхъ сохраняются. Только нѣкоторые бѣлорусскіе говоры въ этомъ отношеніи сходятся съ малорусскими.

7) Нѣкоторые согласные въ бѣлорусскомъ языкѣ подвергаются отвердѣнію, между тѣмъ какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ они мягки. На твердость Р, губныхъ и Ч уже приходилось указывать при описаніи звукового состава современнаго бѣлорусскаго языка. Здѣсь остается добавить, что нѣкоторые согласные въ бѣлорусскомъ языкѣ въ недостаточно выясненныхъ условіяхъ бываютъ тверды въ отдѣльныхъ словахъ. Такъ почти повсемѣстно тверды С и Д въ словахъ—сэрцэ, уздэчка, а въ отдѣльныхъ говорахъ и въ другихъ словахъ. Нѣкоторые согласные тверды только діалектически, о чемъ рѣчь впереди.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно рѣшить, есть ли отвердѣніе того или другого звука діалектическое или общебѣлорусское. Но повидимому, явленіе это въ большей или меньшей мѣрѣ свойственно всѣмъ бѣлорусскимъ говорамъ и въ основѣ своей есть общебѣлорусское.

8) Въ бѣлорусской рѣчи большое распространеніе имѣетъ приставка согласнаго звука предъ гласнымъ въ началѣ слова и вставка между двумя

---

*) Мѣстнымъ падежомъ въ научныхъ руководствахъ принято называть падежъ извѣстный въ школьныхъ грамматикахъ подъ именемъ предложнаго.

гласными. Общебѣлорусскимъ приставочнымъ звукомъ обыкновенно бываетъ В; напримѣръ: вочи, вутка, вакно, вулица, восинь, навука, ни воднага (ни одного) и т. д. встрѣчаются во всей Бѣлоруссіи. Діалектически приставочнымъ звукомъ бываетъ Г, о чемъ см. дальше.

9) Своеобразнымъ измѣненіямъ въ бѣлорусской рѣчи подвергаются группы нѣкоторыхъ согласныхъ. Изъ такихъ измѣненій, неизвѣстныхъ русскому литературному языку и имѣющихъ общебѣлорусскій характеръ отмѣчу слѣдующія:

а) ДН измѣняется въ НН,напр.: сянни (изъ сядни = сегодня) биньняжка (бѣдняжка), вяликаньня и т. д.

б) БМ — въ ММ: амманаў (обманулъ), аммачиў (обмочилъ), амман (обманъ) и т. д.

Примѣчаніе. Не во всей Бѣлоруссіи эти слова произносятся съ такимъ измѣненіемъ согласныхъ; нѣкоторыя изъ этихъ и подобныхъ имъ словъ въ отдѣльныхъ говорахъ произносятся безъ измѣненія ДН въ НН и БМ въ ММ, но всё же почти всѣмъ бѣлорусскимъ говорамъ свойственно подобное измѣненіе и встрѣчается въ тѣхъ или другихъ словахъ.

в) Группы ТЦ и ЧЦ измѣняются въ ЦЦ, напримѣръ: маццы (матери) (первое Ц изъ Т — матцы), даццѣ (первое Ц изъ Ч — дачцѣ) на полаццы (на полочкѣ) и т. д.

ДІАЛЕКТИЧЕСКІЯ ЗВУКОВЫЯ ЯВЛЕНІЯ.

Явленія въ области гласныхъ. Въ краткомъ элементарномъ очеркѣ бѣлорусскаго языка не представляется возможнымъ перечислять всѣ діалектическія явленія и приходится ограничиться указаніемъ наиболѣе значительныхъ изъ нихъ или наиболѣе распространенныхъ. Изъ такихъ явленій въ области гласныхъ отмѣчу слѣдующія.

1) Характеризуя звуковой составъ бѣлорусскаго языка, я отмѣтилъ (стр. 205), что въ южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, сосѣднихъ съ сѣверно-малорусскими, на мѣстѣ О, 'О и Е небѣглыхъ въ закрытыхъ слогахъ подъ удареніемъ, исключая нѣкоторыхъ случаевъ, и на мѣстѣ ударяемаго Ѣ какъ въ закрытомъ, такъ и въ открытомъ слогѣ являются дифтонги УО̆, 'УО̆ и ИӖ или ЎО, 'ЎО и Й̆Е и др. Такимъ образомъ для южно-бѣлорусскихъ говоровъ въ предѣлахъ означенной выше территоріи можно установить какъ правило измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ, кромѣ указанныхъ случаевъ, звуковъ О, 'О, Е и Ѣ въ дифтонги.

Въ отдѣльныхъ говорахъ въ тѣхъ же условіяхъ на мѣстѣ О, 'О, Е и Ѣ слышатся не дифтонги, а простые гласные — У или О, очень похожее на У (очень закрытое О, какъ принято говорить), И (а послѣ твердыхъ согласныхъ Ы) или очень закрытое Е, напримѣръ: кунь (конь), вуз (возъ), вул или — ко̂нь, во̂зъ, во̂л,*) пич, сим, хлиб, (хлѣбъ), шысть (шесть) или—

*) Значокъ ^ надъ буквой означаетъ закрытое свойство звука.

пе̂чь, се̂м, хле̂б, ше̂сть и т. д. Такимъ образомъ южно-бѣлорусскіе дифтонги въ нѣкоторыхъ говорахъ подвергаются сокращенію въ простые гласные У и И или въ очень закрытое О и Е.

Однако не во всѣхъ говорахъ, имѣющихъ дифтонги, появленіе ихъ или отсутствіе имѣетъ мѣсто въ указанныхъ выше (стр. 205) условіяхъ: въ нѣкоторыхъ говорахъ они бываютъ во всякомъ закрытомъ слогѣ, такъ что и слова — волкъ, долгій, шелъ, кровь, возьмутъ и т. д. также произносятся съ дифтонгами, а въ иныхъ—во всякомъ ударяемомъ слогѣ, даже и открытомъ, напримѣръ: грўошы (деньги), даўнўо, бьерег, штўо и т. д.

2) Другая наиболѣе характерная діалектическая черта — звукъ Э на мѣстѣ О и Ы (или послѣ задне-нёбныхъ И) преимущественно ударяемыхъ, а иногда и неударяемыхъ въ окончаніяхъ формъ склоненія именъ прилагательныхъ и нѣкоторыхъ мѣстоименій, напримѣръ: сляпэй, маладэй, аднэй, другей, такей, тэй, другею, чарвонэй, залатэя, дурнэя, сухея и т. д. (слѣпой, молодой, одной, другой, такой, той, другою, червонной, золотые, дурные, сухіе).

Явленіе это характеризуетъ нѣкоторые изъ сѣверо-восточныхъ бѣлорусскихъ говоровъ: отмѣчается, напримѣръ, въ говорахъ Витебской губерніи, Могилевской, сѣверныхъ уѣздовъ Смоленской и нѣкоторыхъ другихъ.

Изъ менѣе крупныхъ діалектическихъ явленій въ области гласныхъ отмѣчу слѣдующія.

1) Преимущественно въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ на мѣстѣ неударяемаго А послѣ мягкаго согласнаго звука слышится звукъ Е, иногда не вполнѣ явственный, по акустическому впечатлѣнію (т.-е. на слухъ) близкій къ И, напримѣръ: вытрес, поес, гледзючи, месаѣд, заец, петно, езык и т. д. Наблюдается это явленіе преимущественно при положеніи 'А (на письмѣ Я) предъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, но не рѣдки случаи, когда за 'А слѣдуетъ мягкій согласный, напр.: масленица, гледзи, пѣсьнеми, калодзезь и т. д. Въ тѣхъ же говорахъ отмѣчается это явленіе и въ окончаніи -СЯ глаголовъ — напиўсе, павалиўсе, не бойцисе и т. д.

2) Во многихъ говорахъ на концѣ нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ послѣ звуковъ Ы и И отпадаетъ И неслоговое. Явленіе это наблюдается: а) въ именахъ прилагательныхъ, напр.: сляпы, малады, зялёны, жоўты, сини, лѣтни, гарачы и т. д.; б) въ формахъ повелительнаго наклоненія глаголовъ — пить, бить, лить: пи, би, ли, нали, вли (пей, бей, лей, налей, влей), но — мый, крый, вый.

3) Неударяемое И въ началѣ нѣкоторыхъ словъ отпадаеть въ нѣкоторыхъ говорахъ, напримѣръ: грацъ (играть), голка (иголка), мѣць (имѣть) и т. д.

4) Въ отдѣльныхъ говорахъ гласные подвергаются измѣненію подъ вліяніемъ звуковъ въ сосѣднихъ слогахъ. Напримѣръ, звукъ Ы между губными или послѣ губного звука переходитъ въ У: умувацъ, бувацъ, бувала, була и т. д.

Также на югѣ Бѣлоруссіи звукъ О въ сосѣдствѣ съ губными и задненёбными, а иногда и въ другихъ условіяхъ звучитъ какъ У или какъ звукъ, въ значительной степени близкій къ У, напримѣръ: пусулиў (посулилъ), новуй (новой), пудъ носамъ, (подъ носомъ) пугуляць, палкуй, гулува и т. д.

Въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ говорахъ звукъ А предъ слѣдующимъ Ў (У неслоговое) переходитъ въ О: троўка, муроўка, доў (далъ) узёў (взялъ), паклоў (положилъ) и т. д.

Аналогичнымъ измѣненіямъ въ извѣстныхъ условіяхъ подвергаются и нѣкоторые другіе звуки.

5) Въ нѣкоторыхъ говорахъ своеобразнымъ измѣненіямъ подвергаются Ы и У. Въ результатѣ этихъ измѣненій на мѣстѣ Ы слышится или очень краткій, не вполнѣ ясный по акустическому впечатлѣнію звукъ или довольно явственное А, напримѣръ: вымата, прыказаваць, бала, даў ба (далъ бы).

На мѣстѣ же У слышится или также неясный звукъ или довольно явственные А или Ы, напримѣръ: кинаў (кинулъ), савѣтаю, сцисnaў, голыба, (голубя) коршынъ и т. д., также въ формахъ винительнаго падежа ед. ч. ж. р. именъ прилагательныхъ—вяликаю, зялёнаю и т. д.

6) Во многихъ бѣлорусскихъ говорахъ наблюдается переходъ Ы въ И послѣ губныхъ звуковъ, напримѣръ: ми (мы), ви (вы), бикъ (быкъ), мила (мыло), висока (высоко) и т. д. Въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими, наблюдается смѣшеніе звуковъ Ы и И, т.-е. произношеніе Ы вмѣсто И и обратно.

О нѣкоторыхъ другихъ измѣненіяхъ гласныхъ, имѣющихъ мѣсто главнымъ образомъ въ окончаніи нѣкоторыхъ формъ именъ прилагательныхъ, скажу при характеристикѣ склоненія прилагательныхъ.

Явленія въ области согласныхъ звуковъ. Изъ діалектическихъ явленій въ области согласныхъ звуковъ наиболѣе существенными будутъ слѣдуюшія.

1) При характеристикѣ общебѣлорусскаго измѣненія согласныхъ звуковъ мы видѣли, что на мѣстѣ русскаго литературнаго мягкаго согласнаго звука въ положеніи его предъ j (йотъ) въ бѣлорусской рѣчи слышится двойной или долгій мягкій согласный (стр. 210). Діалектически же, въ нѣкоторыхъ говорахъ, отмѣчено наблюдателями сокращеніе возникшаго въ такихъ условіяхъ долгаго согласнаго звука, то-есть переходъ его въ недолгій. Записи изъ Новогрудскаго, Лидскаго, Дисненскаго, Борисовскаго уѣздовъ и другихъ мѣстъ указываютъ на такое сокращеніе.

2) Въ говорахъ, сосѣднихъсъ малорусскими, слова—пять, мясо, время пятка, привезъ и подобные имъ произносятся слѣдующимъ образомъ: пьяць, мьясо, времья, пьятка, прывьёз или—пъяць, пъятка, времъя и т. д. Анализируя звуковой составъ этихъ словъ въ общебѣлорусскомъ и приведенномъ діалектическомъ произношеніи, увидимъ, что въ этихъ словахъ на мѣстѣ общебѣлорусскаго (а также и общерусскаго) сочетанія губной

мягкій согласный + гласный звукъ въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими, находимъ мягкій или твердый губной согласный + j + гласный. То же и въ малорусскомъ нарѣчіи.

3) Въ сѣверныхъ бѣлорусскихъ городахъ, например: въ Себежскомъ, Велижскомъ уѣздахъ Витебской губерніи, Бѣльскомъ, Духовщинскомъ, Порѣчскомъ уѣздахъ Смоленской губ. и нѣкоторыхъ другихъ мѣстн. смѣшиваются между собой звуки Ч и Ц, то-есть на мѣстѣ общерусскаго Ч произносится Ц и обратно, напримѣръ: пятнича, черьква, (церковь) чарства, вулича, яйчо, но—цай дацка, нитацка и т. д.

По опредѣленію академика Е. Ѳ. Карскаго*), бѣлорусскіе говоры со смѣшеніемъ Ч и Ц занимаютъ территорію къ сѣверу отъ Смоленска, Суража Витебской губерніи, Невеля и Себежа.

Кромѣ этихъ говоровъ, явленіе это извѣстно сѣверно-великорусскимъ говорамъ и составляетъ одну изъ наиболѣе характерныхъ ихъ чертъ.

4) Въ сѣверо-восточныхъ говорахъ, знающихъ не только тверое, но и мягкое Р, часто смѣшивается твердое Р съ мягкимъ, напримѣръ: гразь, трапка, румка, рамнем (ремнемъ), грып, (грибъ) но—ряма, вирябей, пиряги (пироги), риба и т. д.

5) Во многихъ бѣлорусскихъ говорахъ приставочнымъ звукомъ бываетъ һ (Г африкативное) или гортанное предыханіе, напримѣръ: һэты (этотъ), һиншый (иной), һарбус (арбузъ), Ганна (Анна) и т. д. Въ словахъ — һэтый, һэный, һэтакъ, Ганна, гарбус этотъ приставочный звукъ встрѣчается въ огромномъ большинствѣ бѣлорусскихъ говоровъ, въ другихъ же—только въ отдѣльныхъ говорахъ. Въ частности, въ юго-западныхъ говорахъ приставочное һ или гортаноое предыханіе чаще встрѣчается, чѣмъ въ сѣверо-восточныхъ—здѣсь находимъ его въ тѣхъ словахъ, которыя въ другихъ говорахъ имѣютъ приставочное В или вовсе не принимаютъ приставочнаго звука, напримѣръ: һулица, һарэх (орѣхъ), һавёс (овёсъ), һаўца (овца), һостры, һугаль (уголь) и т. д.

Въ отдѣльныхъ словахъ наблюдается и обратное явленіе—отпаденіе и выпаденіе этихъ звуковъ, напримѣръ: лянь (глянь), лядзи (гляди), палядзи (погляди), сяодни (сегодня) и др.

6) При характеристикѣ общебѣлорусскихъ явленій въ области согласныхъ звуковъ мною было отмѣчено (стр. 211), какъ общебѣлорусское явленіе, отвердѣніе въ отдѣльныхъ словахъ нѣкоторыхъ согласныхъ. Діалектически это явленіе еще болѣе распространено, и въ говорахъ твердыми бываютъ въ отдѣльныхъ словахъ и другіе согласные, помимо тѣхъ, спорадическое (т.-е. въ отдѣльныхъ случаяхъ) отвердѣніе которыхъ почти повсемѣстно. Для нѣкоторыхъ случаевъ и здѣсь также нельзя точно установить, при какихъ условіяхъ согласные тверды, и приходится ограничиваться только указаніемъ отдѣльныхъ словъ съ тѣми или другими твердыми согласными на мѣстѣ мягкихъ. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ говорахъ отмѣчены твердые М и Н на мѣстѣ общебѣлорусскихъ мягкихъ

---

*) Бѣлорусская рѣчь, стр. 36.

въ слѣдующихъ словахъ: мэдлиць, мэдовый, вочин (очень), сажан (сажень) и др.

На югѣ и на западной окраинѣ Бѣлоруссіи въ нѣкоторыхъ говорахъ С твердо въ окончаніи - СЯ глаголовъ, напримѣръ: напиўса, наѣўса, павалиласа, адзивaласа (одѣвалась) и т. д.

Число случаевъ съ твердыми согласными на мѣстѣ мягкихъ увеличивается въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими.

Примѣчаніе. Для освѣщенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ жизни бѣлорусскаго языка въ прошломъ весьма важно было бы располагать возможно большимъ количествомъ примѣровъ съ твердыми согласными на мѣстѣ мягкихъ и притомъ изъ разныхъ мѣстностей и говоровъ Бѣлоруссіи. Поэтому весьма желательно, чтобы при наблюденіяхъ надъ отдѣльными бѣлорусскими говорами лица, дѣлающія эти наблюденія и дающія описаніе говоровъ, отмѣчали возможно тщательнѣе эту, на первый взглядъ, незначительную черту.

На ряду съ этимъ нѣкоторые согласные становятся твердыми при опредѣленныхъ условіяхъ. Такъ во многихъ говорахъ отмѣчено твердое Л, вмѣсто мягкаго, предъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ, напримѣръ: малчык, палчык, палцы, мылный, крахмалный. салца (сальце), болна (больно), волный (вольный), калцо и т. д.

Явленіе это имѣетъ весьма широкое распространеніе въ Бѣлоруссіи

7) Діалектически также наблюдается обратное явленіе—мягкій согласный звукъ вмѣсто твердаго. Такъ въ нѣкоторыхъ говорахъ въ отдѣльныхъ словахъ мягко Л, напримѣръ: польный (полный), вальною (волною) и др.

Въ отдѣльныхъ бѣлорусскихъ говорахъ не мало также есть и другихъ болѣе мелкихъ чертъ, представляющихъ измѣненіе отдѣльныхъ звуковъ и группъ согласныхъ или подъ вліяніемъ сосѣднихъ звуковъ или вызванное другими причинами. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ имѣютъ довольно широкое, чуть ли не повсемѣстное распространеніе, такъ что стоятъ какъ бы на границѣ между явленіями общебѣлорусскими и бѣлорусскими діалектическими, но при всемъ томъ нерѣдко ограничиваются только отдѣльными словами. Въ настоящемъ краткомъ и притомъ популярномъ описаніи бѣлорусскаго языка въ его современномъ состояніи не нахожу возможнымъ останавливаться на нихъ. Отмѣчу только слѣдующее.

Говоры, пограничные съ великорусскими, имѣютъ мягкое Ч, мягкое Р (иногда и на мѣстѣ твердаго), мягкое Д и Т на мѣстѣ общебѣлорусскихъ ДЗ и Ц, звукъ В вмѣсто Ў (У неслоговое) на концѣ слова и предъ глухими согласными или Ф, т.-е. произношеніе — вовк, лавка, кров любов или—вофк, лафка, кроф, любоф, дѣт, атец, хадить и т. д., вмѣсто—воўк, лаўка, кроў, любоў, дзѣт, ацец, хадзиць и т. д.

Въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими, встрѣчаются нѣкоторыя малорусскія черты, неизвѣстныя бѣлорусскимъ говорамъ, но они отчасти уже отмѣчены мною раньше.

ФОРМЫ СКЛОНЕНІЯ И СПРЯЖЕНІЯ ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ БѢЛОРУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Замѣчанія общаго характера о склоненіи и спряженіи въ бѣлорусскомъ языкѣ. Подобно тому какъ и въ звукахъ, современная бѣлорусская рѣчь представляетъ рядъ весьма характерныхъ явленій въ формахъ склоненія и спряженія. Одни изъ этихъ явленій общебѣлорусскія, а другія только діалектическія. Взятыя вмѣстѣ, они составятъ ту сумму признаковъ, по которымъ бѣлорусская рѣчь легко распознается среди другихъ нарѣчій русскаго языка. Эти явленія особенно ярко выступаютъ при сопоставленіи бѣлорусскаго языка въ фактахъ склоненія и спряженія съ другими нарѣчіями русскаго языка и русскимъ литературнымъ языкомъ.

Русскій языкъ въ современномъ своемъ состояніи во всѣхъ своихъ нарѣчіяхъ и говорахъ преставляетъ значительныя отклоненія въ формахъ склоненія именъ и спраженія глаголовъ отъ общерусскаго языка. Общерусскій языкъ, то-есть тотъ единый когда-то русскій языкъ, который съ теченіемъ времени распался на отдѣльные говоры, былъ богаче формами склоненія и спряженія, чѣмъ современный русскій языкъ. Въ немъ было нѣсколько больше разновидностей склоненія именъ существительныхъ, чѣмъ въ современномъ русскомъ языкѣ; напримѣръ, слова: сынъ, волъ, домъ и нѣкоторыя другія склонялись въ немъ иначе, чѣмъ слова—рабъ, городъ мужъ и т. д.; больше также было въ немъ падежныхъ формъ, несходныхъ другъ съ другомъ; напримѣръ: дательный, творительный и мѣстный *) падежи множественнаго числа мужескаго рода не были сходны съ тѣми же формами именъ женскаго рода, оканчивающихся на А; кромѣ того, звательный падежъ единств. числа въ цѣломъ рядѣ именъ существительныхъ не былъ сходенъ съ именительнымъ, а имѣлъ особое окончаніе; наконецъ, чиселъ въ общерусскомъ языкѣ было не два, какъ въ наше время, а три—кромѣ единственнаго и множественнаго числа, было еще двойственное число, употреблявшееся тогда, когда рѣчь шла о двухъ предметахъ. Несходны были и нѣкоторыя падежныя формы именъ прилагательныхъ, числительныхъ и мѣстоименій съ соотвѣтствующими формами въ современномъ русскомъ языкѣ. Въ спряженіи глагола были формы прошедшихъ простыхъ, и сложныхъ временъ; иныя окончанія, чѣмъ теперь, имѣли и формы причастій и т. д.

Достаточно этихъ бѣглыхъ замѣчяній, чтобы видѣть, что современный русскій литературный языкъ значительно отступаетъ отъ старины—въ немъ мы находимъ или рядъ новообразованій или полную утрату того, что широко было распространено въ общерусскомъ языкѣ. Въ этомъ отношеніи бѣлорусская рѣчь болѣе архаична—въ ней больше сохранилось старыхъ формъ. чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Но съ другой сто-

---

*) См. стр. 211.

роны, въ ней есть и новообразованія, свойственныя какъ всѣмъ современнымъ русскимъ нарѣчіямъ и русскому литературному языку, такъ и исключительно ей одной. Выдѣляя изъ бѣлорусскаго склоненія именъ и спряженія глаголовъ формы, представляющія, съ одной стороны, архаизмы, а съ другой—неизвѣстныя русскому литературноиу языку новообразованія, мы получимъ въ итогѣ особенности измѣненія въ бѣлорусской рѣчи именъ и глаголовъ, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ. Какъ и при описаніи звукового состава бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи, такъ и здѣсь попутно я буду отмѣчать, въ какихъ своихъ особенностяхъ бѣлорусскся рѣчь сходится съ другими нарѣчіями русскаго языка, чтобы такимъ путемъ выяснить и въ этой области отношеніе бѣлорусской рѣчи къ другимъ нарѣчіямъ русскаго языка.

СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ.

Имена существительныя. Нѣкоторыя особенности въ грамматическомъ родѣ именъ существительныхъ. Въ именахъ существительныхъ бѣлорусская рѣчь сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ представляетъ особенности въ принадлежности нѣкоторыхъ именъ къ тому или иному грамматическому роду, въ измѣненіи именъ по числамъ и въ образованіи формъ нѣкоторыхъ падежей.

Нѣкоторыя имена существительныя въ бѣлорусской рѣчи принадлежатъ не къ тому грамматическому роду, къ которому они относятся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Такъ слова: собака, лошадь, боль, погибель, плѣшь, цѣпь, полынь, пыль и нѣкоторыя другія—мужескаго рода и наоборотъ—гусь, лучъ, мечъ, а также стадо, пиво, диво, царство и нѣкоторыя другія—женскаго.

Происходитъ это отчасти по той причинѣ, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ въ бѣлорусской рѣчи имѣютъ другія окончанія, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, и по своимъ окончаніямъ сходны со словами другого грамматическаго рода. Такъ слова—плѣшь, цѣпь, полынь, пыль въ бѣлорусской рѣчи имѣютъ на концѣ твердый согласный звукъ, т.-е. произносятся въ бѣлорусскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: плѣш, цѣп, палын, пыл, и сходны въ этомъ отношеніи съ именами мужескаго рода, а потому, естественно, стали измѣняться одинаково съ ними и перешли въ разрядъ именъ мужеск. рода. Въ словахъ средняго рода—стадо, пиво, диво и др. конечное неударяемое О въ силу аканья звучитъ одинаково съ такимъ же неударяемымъ окончаніемъ А именъ существительныхъ женскаго рода; отсюда—измѣненіе этихъ словъ по падежамъ такъ же, какъ именъ существительныхъ женскаго рода, оканчивающихся на А. Другія слова измѣнили свой грамматическій родъ подъ вліяніемъ другихъ болѣе сложныхъ причинъ.

Необходимо однако здѣсь отмѣтить, что далеко не у всѣхъ отмѣченныхъ наблюдателями именъ измѣненіе грамматическаго рода есть явле-

ніе общебѣлорусское—въ большинствѣ случаевъ имена съ такимъ измѣненіемъ встрѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ.

Формы двойственнаго числа въ современной бѣлорусской рѣчи. Въ общерусскомъ языкѣ, какъ уже сказано раньше, кромѣ единственнаго и множественнаго числа, было еще двойственное число, употреблявшееся тогда, когда рѣчь шла о друхъ предметахъ.

Примѣчаніе. Двойственное число было и въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ, при чемъ древне-церковно-славянскія формы двойственнаго числа сходны съ соотвѣтствующими формами общерусскаго языка. Поэтому, припоминая древне-церковно-славянскія формы двойственнаго числа именъ существительныхъ, мы получимъ представленіе и о формахъ двойственнаго числа въ общерусскомъ языкѣ. Лицамъ же, незнакомымъ хотя бы съ элементарной грамматикой древне-церковно-славянскаго языка, рекомендую ознакомиться съ этими формами по любому учебнику древне-церковно-славянскаго языка для среднихъ учебныхъ заведеній.

Современная русская литературная и великорусская рѣчь представляетъ лишь незначительные остатки этихъ формъ, напримѣръ, въ такихъ выраженіяхъ, какъ — два разá, два рядá, два шагá, два часá. гдѣ формы разá, рядá, шагá, часá — сохраненіе старины, остатки формъ двойственнаго числа. Тѣ же формы двойственнаго числа употребляются въ современной русской литературной рѣчи и послѣ числительныхъ три четыре: три, четыре рядá, шагá и т. д., но такое употребленіе формъ двойственнаго числа есть уже новообразованіе, такъ какъ при числительныхъ три и четыре въ станину ставились имена существительныя во множественномъ числѣ.

Примѣчаніе. Въ звуковомъ отношеніи формы разá, рядá, шагá, часá совпадаютъ съ формами родительнаго паднжа единств. числа, но отличаются отъ нихъ по мѣсту ударенія, сохраняя удареніе формъ двойственнаго числа.

Но и сохранившіяся формы двойственнаго числа — разá, рядá, шагá, часá обыкновенно сознаются нами, какъ формы родительнаго падежа, а въ школьныхъ учебникахъ грамматики говорится, какъ о правилѣ, что послѣ числительныхъ 2, 3 и 4 ставится родительный падежъ имени существительнаго. Однако съ научно-исторической точки зрѣнія это—формы именительнаго или винительнаго падежа двойственнаго числа, и слѣдовательно въ русскомъ литературномъ языкѣ сохранились остатки формъ двойственнаго числа отъ именъ существительныхъ мужескаго рода при названныхъ числительныхъ.

Бѣлорусская рѣчь здѣсь нѣсколько расходится съ русской литературной. При числительныхъ два, три, четыре эти существительныя ставятся не въ двойственномъ, а во множественномъ числѣ: два, тры, чатыры разы, два, тры, чатыры рады (или ряды) и т. д., т.-е. бѣлорусская рѣчь не сохранила и въ такой степени, какъ русскій литературный языкъ и великорусское нарѣчіе, формъ двойственнаго числа отъ именъ существи-

тельныхъ мужескаго рода даже при числительномъ два и не употребляетъ ихъ, какъ новообразованіе, при числительныхъ 3 и 4. Но съ другой стороны, правда, преимущественно на юго-западѣ Бѣлоруссіи распространены въ сочетаніи съ тѣми же числительными формы именительнаго и винительнаго падежей двойственнаго числа отъ именъ существительныхъ женскаго рода съ окончаніемъ А и средняго рода съ окончаніемъ О, напримѣръ: дзьвѣ руцѣ, дзьвѣ назѣ, тры бядзѣ, тры хацѣ дзвѣ сялѣ, тры, чатыры сялѣ и т. д. Подобныхъ примѣровъ приводится достаточное количество въ записяхъ бѣлорусскихъ говоровъ изъ разныхъ мѣстъ юго-западной Бѣлоруссіи, на сѣверо-востокѣ же это явленіе рѣдко, а во многихъ сѣверо-восточныхъ говорахъ и вовсе не встрѣчается: здѣсь въ подобныхъ сочетаніяхъ тѣ же формы множественнаго числа, что въ русскомъ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ говорахъ.

Въ сохраненіи въ этихъ условіяхъ формъ двойственнаго числа бѣлорусская рѣчь сходится съ малорусскимъ нарѣчіемъ, которое также сохраняетъ при тѣхъ же числительныхъ формы именительнаго и винительнаго падежей двойственнаго числа отъ тѣхъ же именъ женскаго и средняго рода.

Формы остальныхъ падежей двойственнаго числа почти вовсе не встрѣчаются въ русскомъ литературномъ языкѣ. Бѣлорусская же рѣчь употребляетъ кое-гдѣ формы и другихъ падежей двойственнаго числа, не ограничивая при этомъ употребленіе ихъ, какъ въ формахъ именительнаго и винительнаго падежей, сочетаніемъ съ указанными числительными. Правда, форма родительно-мѣстнаго падежа двойственнаго числа въ современной бѣлорусской рѣчи рѣдка: въ записяхъ имѣются чуть ли не единичные примѣры. Но формы дательно-творительнаго падежа отмѣчаются наблюдателями бѣлорусской рѣчи довольно часто, на ряду съ болѣе распространенными формами множественнаго числа, главнымъ образомъ отъ названій парныхъ предметовъ — плечо, око, ухо, рука, нога, т.-е. формы—плячыма, ачыма, ушыма, рукама, нагама и т. д., а также и отъ другихъ словъ мужеск., женск. и средн. рода, напр.: грашыма, грыбама, слугама, слязыма и т. д.

Ф о р м ы з в а т е л ь н а г о п а д е ж а е д и н с т в. ч и с л а в ъ с о в р е м е н н о й б ѣ л о р у с с к о й р ѣ ч и. Крупной чертой, характеризующей бѣлорусское склоненіе и отличающей въ этомъ отношеніи бѣлорусскій языкъ отъ русскаго литературнаго языка, является также сохраненіе въ нѣкоторыхъ разновидностяхъ склоненія именъ существительныхъ формъ звательнаго падежа ед. числа, несходныхъ съ именительнымъ. Въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ, какъ извѣстно, звательный падежъ единств. числа отъ именъ существительныхъ, за весьма немногими исключеніями, напримѣръ: Господи, Боже, отче и нѣкотор. др. сходенъ съ именительнымъ. Явленіе это есть новообразованіе, такъ какъ въ общерусскомъ языкѣ такого сходства между этими падежами отъ именъ мужескаго и женскаго рода, кромѣ нѣкоторыхъ разновидностей склоненія этихъ именъ, не было, и звательные падежи имѣли особое окончаніе.

Бѣлорусскій языкъ въ этомъ отношеніи расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ: въ немъ сохранились старыя формы звательнаго падежа единственнаго числа отъ именъ существительныхъ мужескаго и женскаго рода съ окончаніемъ А. Звательный падежъ отъ именъ мужескаго рода имѣетъ въ бѣлорусскомъ языкѣ тѣ же окончанія, что и въ общерусскомъ, т.-е. Е и У или въ отдѣльныхъ говорахъ на мѣстѣ Е тотъ звукъ, въ который въ силу аканья переходитъ неударяемое Е, напримѣръ: брате, пане, Паўле, коню, гаю, паночку, паничыку, дзѣду, воўче, чалавѣче и т. д. Отступаетъ отъ общерусскаго языка бѣлорусская рѣчь лишь въ томъ, что окончаніе У, а иногда и Е не всегда принимаютъ тѣ имена, которыя имѣли его въ звательномъ падежѣ въ общерусскомъ языкѣ.

Имена женскаго рода также образуютъ звательный падежъ со старыми окончаніями О и Е, со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ при извѣстныхъ условіяхъ О и Е, напримѣръ: мамо, матко, сестро, земле, панюхно и т. д

Однако и въ бѣлорусской рѣчи звательные падежи часто замѣняются, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, именительными, особенно въ сѣверо-восточныхъ говорахъ, тѣмъ болѣе что неударяемые О и Е звучатъ здѣсь какъ неударяемые А и 'А (А послѣ мягкаго согласнаго, на письмѣ Я).

Въ говорахъ, сосѣднихъ съ великорусскими, въ именахъ женскаго рода въ значеніи звательнаго падежа встрѣчаются новообразованія, свойственныя великорусской рѣчи и имѣющія въ великорусскихъ говорахъ также значеніе звательнаго падежа, напримѣръ: Дунь (Дуня), Каць (Катя), цёць (тётя), баб (баба) и т. д.

Въ сохраненіи формъ звательнаго падежа бѣлорусская рѣчь имѣетъ сходство съ малорусскимъ нарѣчіемъ.

Въ формахъ другихъ падежей бѣлорусская рѣчь также представляетъ не мало особенностей сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, но здѣсь нѣтъ единства между падежами отдѣльныхъ разновидностей склоненія, то-есть въ одной разновидности склоненія одни падежи представляютъ своеобразныя особенности, а въ другой другіе. Въ виду этого въ дальнѣйшей характеристикѣ бѣлорусскаго склоненія придется отмѣчать эти особенности отдѣльно въ каждой разновидности склоненія.

Разновидности склоненія именъ существительныхъ въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ.

Въ склоненіи именъ существительныхъ въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ различаются почти тѣ же разновидности, что и въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ. Отступленія весьма незначительны и касаются только слова путь.

Въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ слово путь склоняется иначе, чѣмъ другія имена существительныя мужеск. рода, оканчивающіяся на мягкій согласный звукъ (на письмѣ Ь): вмѣстѣ съ такими славами женск. рода, какъ—ночь, кость, мышь и т. д. оно образуетъ особое склоненіе, извѣстное въ учебникахъ грамматики подъ именемъ третьяго склоненія.

То же было и въ общерусскомъ языкѣ. Въ бѣлорусскомъ же языкѣ слово путь измѣняется, какъ всѣ другія имена мужеск. рода мягкаго склоненія, т.-е. такія, какъ—конь, пень, звѣрь и т. д.

Такимъ образомъ въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ можно различать слѣдующія разновидности въ склоненіи именъ существительныхъ: а) твердое и мягкое склоненіе именъ существительныхъ мужеск. рода, б) твердое и мягкое склоненіе именъ средняго рода, в) твердое и мягкое склоненіе именъ женск. рода съ окончаніемъ А, г) склоненіе именъ существительныхъ женск. рода съ мягкимъ или бывшимъ когда-то мягкимъ*) согласнымъ звукомъ на концѣ (на письмѣ Ь) и д) склоненіе именъ, извѣстныхъ въ учебникахъ грамматики подъ именемъ разносклоняемыхъ.

ТВЕРДОЕ И МЯГКОЕ СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХЪ МУЖЕСКАГО РОДА.

Единственное число.

Именительный падежъ, кромѣ обычныхъ формъ, общихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ и другими нарѣчіями русскаго языка, иногда имѣетъ въ твердой разновидности склоненія, преимущественно въ собственныхъ именахъ или въ словахъ, означающихъ родство, окончаніе О, а въ говорахъ, измѣняющихъ неударяемое О въ конечномъ открытомъ слогѣ,—А, напримѣъ: Пятрó, Паўлó, Гаўрыло, Днятрó, бáцько, тáтко и т. д. или Гаўрыла, бацька, татка. При переходѣ Ó въ А эти имена въ косвенныхъ падежахъ могутъ измѣняться, какъ имена женск. рода съ окончаніемъ А—Гаўрылы, Гаўрылѣ, или Гаўрыли, съ Гаўрылой и т. д.

Въ образованіи формъ именительннго падежа единств. числа съ окончаніемъ О бѣлоруск. рѣчь сходится съ малорусской.

Въ бѣлорусскихъ пѣсняхъ въ значеніи именительнаго падежа можно встрѣтить формы звательнаго, напр.: поѣхаў сынку, идзé казáча, ишоў паничу и т. д.**) И здѣсь также сходство съ малорусскимъ языкомъ.

Родительный падежъ такъ же, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, оканчивается на А и отчасти на У, при чемъ въ бѣлорусской рѣчи окончаніе У иногда принимаютъ такія слова, которыя въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣютъ А.

Въ дательномъ падежѣ особенность представляютъ только нѣкоторые юго-западные бѣлорусскіе говоры: здѣсь дательный падежъ отъ именъ лицъ иногда имѣетъ въ твердомъ склоненіи окончаніе-ОВИ и въ мягкомъ-ЕВИ со свойственнымъ отдѣльнымъ говорамъ измѣненіемъ при безударности звуковъ О и Е, напримѣръ: хлóпцави, дзядзькави, канéви, кавалёви и т. д. Подобные формы дательнаго падежа отмѣчены въ Грод-

*) Такія слова, какъ рожь, ночь, мышь въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ имѣютъ на концѣ твердый согласный, такъ какъ шипящіе въ бѣлорусскомъ нарѣчіи тверды, но въ общерусскомъ языкѣ они были мягки.

**) См. Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, II. стр. 160—161.

ненскомъ, Рѣчицкомъ, Слуцкомъ, Сокольскомъ уѣздѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ.

Винительный падежъ у именъ предметовъ неодушевленныхъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ бываетъ сходенъ съ родительнымъ, а не съ именительнымъ, напримѣръ: сѣкуть дуба, вазьми рубля, пояса несла и т. д.*), чѣмъ бѣлорусская рѣчь отличается въ этомъ падежѣ отъ русскаго литературнаго языка.

Творительный падежъ въ твердомъ и мягкомъ склоненіи имѣетъ такія же окончанія, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, только въ говорахъ звуки О и Е окончаній -ОМЪ и -ЕМЪ подвергаются въ силу аканья соотвѣтствующимъ измѣненіямъ.

Мѣстный падежъ чаще, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, принимаетъ окончаніе У; отмѣчается оно и у такихъ именъ, которыя въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣютъ окончаніе Е (на письмѣ Ѣ), напримѣръ: у бярэзьнику, у вучылищу, на каню, у мяшку и т. д. Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ говорахъ отмѣчены мѣстные падежи съ окончаніемъ Е или съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ его при безударности отъ такихъ именъ, которыя въ русскомъ литературномъ языкѣ въ мѣстномъ падежѣ имѣютъ У, напримѣръ: у лѣси, у садзи (въ саду), на берази (на берегу) и т. д. при формахъ съ окончаніемъ У. Въ мягкой разновидности склоненія, кромѣ того, встрѣчаются мѣстные падежи съ окончаніемъ И и при удареніи на окончаніи, напримѣръ: на кани, на краи и т. д. Сходно съ этимъ образуютъ мѣстный падежъ и имена, оканчивающіяся на шипящій звукъ или Ц—на нажы, на мячы, на канцы и т. д.

Формы мѣстнаго падежа съ окончаніемъ И есть остатокъ старины. Въ общерусскомъ языкѣ такое окончаніе всегда имѣлъ мѣстный падежъ въ мягкой разновидности склоненія. Слѣдовательно современный русскій литературный языкъ, а также и бѣлорусскій, тамъ гдѣ онъ имѣетъ мѣстные падежи въ мягкомъ склоненіи съ окончаніемъ Е (Ѣ), представляютъ въ этихъ падежахъ новообразованіе.

Въ сохраненіи формы мѣстнаго падежа съ окончаніемъ И въ мягкой разновидности склоненія бѣлорусская рѣчь сходится съ малорусскимъ нарѣчіемъ.

Особенность склоненія именъ мужеск. рода въ бѣлорусскомъ языкѣ составляетъ также измѣненіе заднеиёбныхъ звуковъ предъ падежными окончаніями въ звательномъ и мѣстномъ падежахъ. (Сравн. выше. стр. 211).

Множественное число.

Сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, бѣлорусская рѣчь въ именительномъ падежѣ твердой разновидности склоненія представляетъ особенности какъ общебѣлорусскаго, такъ и діалектическаго характера.

---

*) См. Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, т. II, ч. 2, стр. 167.

Во-первыхъ, именительный падежъ множествен. числа съ окончанiемъ А вовсе неизвѣстенъ бѣлорусской рѣчи: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ русская литературная рѣчь и великорусское нарѣчiе имѣетъ А, напримѣръ: города, берега, лѣса и т. д., въ бѣлорусской рѣчи—Ы (или послѣ задненёбныхъ И) — гарады, бираги, лясы и т. д. Явленiе это общебѣлорусское.

Во-вторыхъ, на юго-западѣ Бѣлоруссiи въ отдѣльныхъ говорахъ встрѣчаются, но почти исключительно въ твердой разновидности именительные падежи множествен. числа съ окончанiемъ Э, а въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги,—съ дифтонгами Ы͡Э или Й͡Е, если ударенiе падаетъ на окончанiе, напримѣръ: волэ, дворэ, братэ, мясэ, хлопцэ, конé, рублé, ваўкé, мужыкé, хлопцы͡э, браты͡é, сярпы͡é, лугиé, гаршки͡é*) и т. д.

Именительныхъ падежей съ такимъ окончанiемъ нѣтъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, и съ точки зрѣнiя современнаго русскаго литературнаго языка такая форма именительнаго падежа можетъ показаться очень странной. Но обратимъ здѣсь вниманiе на то, что въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги, здѣсь слышится не Е, а дифтонгъ и что въ памятникахъ западно-русской письменности встрѣчаются такiя формы не только съ Е въ окончанiи, но и съ Ѣ. Эти два обстоятельства указываютъ на то, что когда-то этотъ падежъ имѣлъ на концѣ звукъ Ѣ, впослѣдствiи измѣнившiйся въ Е или въ дифтонгъ. Дальнѣйшее объясненiе происхожденiя этихъ формъ даетъ намъ исторiя русскаго языка. Именно, въ общерусскомъ языкѣ Ѣ было въ окончанiи винительнаго падежа множественнаго числа тѣхъ именъ существительныхъ мужеск. рода, которые въ современномъ русскомъ языкѣ имѣютъ мягкiй согласный звукъ на концѣ, т.-е. такихъ, какъ—конь, корабль, царь и т. под. Съ теченiемъ времени форма винительнаго падежа стала смѣшиваться съ формой именительнаго. Вслѣдствiе этого винительный падежъ сталъ употребляться вмѣсто именительнаго, т.-е. у именъ мягкаго склоненiя значенiе именительнаго падежа получили формы съ окончанiемъ Ѣ—конѣ, князѣ, краѣ, обычаѣ и т. д., что и находимъ въ памятникахъ письменности. Отъ именъ мягкаго склоненiя это окончанiе было перенесено и въ именительный падежъ твердаго, что также встрѣчается въ памятникахъ западно-русской письменности и удержалось преимущественно въ нихъ, какъ дiалектическое явленiе, съ соотвѣтствующимъ измѣненiемъ Ѣ.

Примѣчанiе. Отмѣтимъ здѣсь, что современная русская литературная форма именительнаго падежа множествен. числа твердаго склоненiя съ окончанiемъ - Ы—рабы, столы, дворы и т. д. по своему окончанiю есть старая форма винительнаго падежа множественнаго числа тѣхъ же именъ; именительный же падежъ въ твердомъ склоненiи имѣлъ окончанiе И, предъ которымъ задненёбные звуки измѣнялись въ свистящiе, напримѣръ: раби, хлѣби, человѣци, волци. То же было и въ древне-церковно славянскомъ языкѣ (см. учебникъ грам-

*) См. Е. Ѳ. Карскiй. Бѣлоруссы, т. II, ч. 2, стр. 182—183.

матики древне-церковно-славянскаго языка) и въ другихъ славянскихъ языкахъ.

Діалектически, кое-гдѣ на западѣ Бѣлоруссіи, встрѣчается окончаніе - ОВЕ: панове, сватове, братове и т. д. или съ измѣненіемъ конечнаго неударяемаго Е.

Имена на - ИН, принимающія въ русскомъ литературномъ языкѣ въ именительномъ падежѣ множествен. числа окончаніе - Е (крестьяне, мѣщане, дворяне), въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ въ большинствѣ говоровъ имѣютъ - И; формы съ - Е рѣдки.

Родительный падежъ, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, представляетъ нѣкоторыя особенности. Во-первыхъ, въ твердомъ склоненіи въ бѣлорусской рѣчи менѣе употребительны формы родительнаго падежа множественнаго числа, равныя именительному единственнаго, т.-е. представляющія съ точки зрѣнія современнаго языка слово въ его основной формѣ, каковы, напримѣръ, въ русскомъ литературномъ языкѣ родит. падежи множествен. числа: аршинъ, глазъ, волосъ и т. д. Въ записяхъ бѣлорусской рѣчи подобныя формы отмѣчены въ весьма незначительномъ количествѣ, но при этомъ иногда отъ такихъ словъ, которыя въ русскомъ литературномъ языкѣ имѣютъ родительный падежъ множественнаго числа съ окончаніемъ - ОВ. (См. Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, т. II, ч. 2, стр. 189).

Во-вторыхъ, болѣе распространенное окончаніе этого падежа - ОВ звучитъ какъ - ОЎ или - АЎ, вслѣдствіе свойственнаго бѣлорусскому языку измѣненія В на концѣ слова и неударяемаго О, напримѣръ: гарадоў, салдатаў, разоў и т. д.

Имена съ мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ имѣютъ въ этомъ падежѣ слѣдующія окончанія: а) свойственное русскому литературному языку ЕЙ съ соотвѣтствующими въ отдѣльныхъ говорахъ измѣненіями при безударности звука Е, напримѣръ: каней, рублей, грашей, или коній, грошый, коняй, грошай и т. д.; б) то же окончаніе - ОЎ или - АЎ, что и въ твёрдомъ склоненіи, напримѣръ: рублёў, канёў и т. д.

Винительный падежъ, какъ въ другихъ нарѣчіяхъ рус. языка и въ русскомъ литературномъ языкѣ, сходенъ съ именительнымъ или родительнымъ, а слѣдовательно въ винительномъ падежѣ встрѣчаются тѣ же окончанія, что въ именительномъ или родительномъ падежѣ.

Общебѣлорусскія формы дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей тѣ же, что и въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ, т.-е. съ окончаніями - АМ, - АМИ, - АХ. Діалектически же встрѣчаются и другія формы.

Въ нѣкоторыхъ юго-западныхъ говорахъ наблюдателями отмѣчаются у именъ обѣихъ разновидностей склоненія формы дательнаго падежа съ окончаніемъ - ОМ, если удареніе падаетъ на окончаніе, напримѣръ: братомъ, зубомъ, паномъ, москалёмъ, ковалём и т. д.

Діалектически также встрѣчаются творительные падежи съ окончаніями - МИ, - АМЫ, - АМ и - АМА, напримѣръ: коньми, ключми, грошми,

дварамы, панамы, сватамы, зубам, грашам, ключам, за грыбама и т. д. Формы на - АМА сравнительно рѣдки, а на - АМ встрѣчаются преимущественно на сѣверѣ Бѣлоруссіи, по сосѣдству съ сѣверно-великорусскими говорами; прочія же діалектическія формы имѣютъ болѣе широкое распространеніе.

Кромѣ бѣлорусскаго нарѣчія, эти формы встрѣчаются также и въ сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

Въ отдѣльныхъ бѣлорусскихъ говорахъ мѣстный падежъ принимаетъ окончанія: - ЕХ, - ОХ и -'ОХ (на письмѣ - ЁХ), при чемъ окончаніе - ОХ бываетъ преимущественно ударяемо, а - ЕХ при отсутствіи ударенія на немъ подвергается въ силу аканья соотвѣтствующимъ измѣненіямъ, хотя вообше мѣстные падежи съ окончаніемъ - ЕХ встрѣчаются рѣдко. Формы же съ окончаніями - ОХ и -'ОХ болѣе часты и отмѣчаются въ рядѣ говоровъ, напримѣръ: грыбох, дубох, садох, паясох, лясох, людзёх, гасьцёх и т. д.

Такія формы мѣстнаго падежа неизвѣстны современной русской литературной рѣчи и есть старыя русскія окончанія, нѣсколько измѣненныя въ звуковомъ отношеніи и употребляемыя въ бѣлорусскомъ языкѣ отчасти не на своемъ мѣстѣ.

Окончаніе - ЕХ есть измѣненное старое общерусское окончаніе мѣстнаго подежа - ѢХЪ со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ Ѣ въ Е; въ общерусскомъ языкѣ это окончаніе имѣла значительная часть именъ мужескаго рода, принадлежащихъ теперь къ твердой разновидности разсматриваемаго склоненія.

Окончаніе - ОХ также есть нѣсколько измѣненное въ звуковомъ отношеніи окончаніе мѣстнаго падежа такихъ именъ существительныхъ, какъ— волъ, сынъ, домъ, верхъ и т. д., которыя, какъ уже сказано (стр. 217), въ общеслазянскомъ языкѣ составляли особое склоненіе. Въ образованіи мѣстнаго падежа съ окончаніемъ - ОХ не отъ этихъ только, но и отъ другихъ именъ мужескаго рода бѣлорусская рѣчь не расходится съ общерусскимъ языкомъ позднѣйшаго періода: въ общерусскомъ языкѣ въ болѣе позднюю эпоху было то же самое—разграниченіе между тѣми и другими именами мужескаго рода было въ общерусскомъ языкѣ только въ болѣе ранній періодъ его исторіи.

Окончаніе -'ОХ (ЁХ) также есть измѣненное въ звуковомъ отношеніи старое окончаніе мѣстнаго падежа такихъ именъ существительныхъ, которыя въ современномъ русскомъ языкѣ составляютъ, такъ называемое, третье склоненіе.

Примѣчаніе. Въ современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи къ этому склоненію, какъ уже сказано раньше (стр. 222), принадлежатъ только имена женскаго рода съ мягкимъ или бывшимъ когда-то мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ (на письмѣ Ь). Въ русскомъ литературномъ языкѣ сюда относится и слово мужескаго рода путь. Въ общерусскомъ языкѣ, по крайней мѣрѣ, въ ранній періодъ его исторіи сюда, кромѣ слова путь, принадлежали и нѣкоторыя другія имена мужескаго рода.

Современная бѣлорусская рѣчь, образуя въ отдѣльныхъ своихъ говорахъ мѣстный падежъ съ такимъ окончаніемъ вообще отъ именъ мужескаго рода съ мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ, а не только отъ тѣхъ, которыя когда-то принадлежали къ тому склоненію, видоизмѣненіе котораго въ настоящее время извѣстно подъ именемъ III-го склоненія, употребляетъ такимъ образомъ это окончаніе не вседа согласно со стариной.

Подобныя окончанія принимаетъ мѣстный падежъ и въ нѣкоторыхъ южно-великорусскихъ и сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ СРЕДНЯГО РОДА СЪ ОКОНЧАНІЕМЪ О и Е.

Въ склоненіи именъ существительныхъ средняго рода съ окончаніемъ О и Е бѣлорусская рѣчь расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ только въ именительномъ и родительномъ падежахъ множественнаго числа именъ съ окончаніемъ О, въ остальныхъ же падежахъ тѣ же окончанія, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, со свойственнымъ бѣлорусскому языку измѣненіемъ нѣкоторыхъ звуковъ.

Именительный падежъ множественнаго числа имѣетъ преимущественно окончаніе Ы, напримѣръ: балоты, дровы, кольцы, вокны, сёлы и т. д.; окончаніе А встрѣчается рѣже.

Родительный падежъ въ отдѣльныхъ говорахъ принимаетъ окончаніе - ОЎ или при безударности - АЎ, напримѣръ: вокнаў, яблакаў, палотнаў, мястоў и т. д. Отъ нѣкоторыхъ именъ такія формы повсемѣстны.

СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ ЖЕНСКАГО РОДА СЪ ОКОНЧАНІЕМЪ А. ТВЕРДОЕ И МЯГКОЕ СКЛОНЕНІЕ.

Въ склоненіи именъ женскаго рода съ окончаніемъ А бѣлорусская рѣчь расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ 1) вслѣдствіе свойственнаго бѣлорусской рѣчи измѣненія нѣкоторыхъ звуковъ и 2) вслѣдствіе наличности въ нѣкоторыхъ падежахъ иныхъ окончаній.

Такъ звуки Г, К, Х предъ окончаніемъ дательнаго и мѣстнаго падежей единственнаго числа переходятъ въ свистящіе З, Ц, С (сравн. стр. 211); окончанія дательнаго и мѣстнаго падежей единственнаго числа отличаются отъ соотвѣтствующихъ окончаній въ русскомъ литературномъ языкѣ вслѣдствіе измѣненія ихъ въ говорахъ подъ удареніемъ въ дифтонги.

Изъ двухъ окончаній творительнаго падежа единственнаго числа въ русскомъ литературномъ языкѣ - ОЮ и - ОЙ въ бѣлорусскомъ языкѣ болѣе употребительно первое; формы съ - ОЙ встрѣчаются рѣже.

Въ остальномъ общебѣлорусскія формы этого склоненія сходны съ соотвѣтствующими формами русскаго литературнаго языка. Въ говорахъ же отмѣчаются формы отдѣльныхъ падежей, неизвѣстныя русскому литературному языку.

Такъ въ западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ встрѣчаются формы родительнаго падежа единственнаго числа съ окончаніемъ Е, напримѣръ: зямле, травэ, вадэ и т. д. У именъ мягкой разновидности склоненія такія формы родительнаго падежа единственнаго числа есть остатокъ старины, а въ твердой—новообразованіе: въ общерусскомъ языкѣ въ мягкомъ склоненіи было Ѣ, а въ твердомъ Ы; бѣлорусское Е слѣдовательно есть свойственное бѣлорусской рѣчи измѣненіе звука Ѣ.

Въ мягкой разновидности въ дательномъ и мѣстномъ падежахъ встрѣчается окончаніе И не только какъ результатъ измѣненія неударяемаго Е (изъ Ѣ), что свойственно, разумѣется, и твердому склоненію, но и подъ удареніемъ; напримѣръ, отмѣчены формы: зямли, зьмяи, шесьцярни и т. д.*). Ударяемое И въ подобныхъ формахъ указываетъ на то, что И здѣсь основное, а не происходящее изъ Е и слѣдовательно есть особое окончаніе дательнаго падежа мягкой разновидности. Окончаніе И въ этихъ формахъ есть остатокъ старины, неизвѣстный современному русскому языку: въ общерусскомъ языкѣ имена мягкой разновидности склоненія всегда имѣли въ этихъ падежахъ И, а Ѣ было только въ твердой разновидности.

Въ твердой разновидности склоненія отмѣчаются формы дательнаго и мѣстнаго падежа съ окончаніемъ Ы и съ удареніемъ на немъ – гары, сястры, душы, даццы. Въ виду только что сказаннаго объ окончаніи дательнаго и мѣстнаго падежей твердой разновидности этого склоненія въ общерусскомъ языкѣ ясно, что формы—гары, сястры и т. д. есть новообразованія.

Въ нѣкоторыхъ сѣверо-восточныхъ говорахъ отмѣчены формы творительнаго падежа съ окончаніемъ -ЭЙ, напримѣръ: э бабэй, с хоўрэй и т. д.**).

Множественное число. Въ отдѣльныхъ говорахъ отмѣчены преимущественно у именъ твердой разновидности и рѣже у именъ мягкой формы именительнаго и винительнаго падежа, когда послѣдній сходенъ съ именительнымъ, съ окончаніемъ Э, а въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги,—съ дифтонгомъ ЙЕ, напримѣръ: вадэ, крупэ, дзяўкэ, жанке или--дзяўкие, жанкие и т. д. Это окончаніе въ твердой и мягкой разновидности склоненія такого же происхожденія, какъ и соотвѣтствующія формы у именъ мужескаго рода (см. стр. 224).

Въ отдѣльныхъ случаяхъ родительный падежъ множественнаго числа принимаетъ окончаніе -ОЎ или при безударности его -АЎ, т.-е. такое же, какъ имена мужескаго и средняго рода, напримѣръ: мухаў, матушкаў, сёстраў, лисицаў и т. д.

Діалектически, какъ и въ именахъ мужескаго и средняго рода, встрѣчаются формы творительнаго падежа съ окончаніемъ —амы, —ми,

*) Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, II. 2, стр. 216, 222.

**) Е. Ѳ. Карскій. Бѣлорусская рѣчь, стр. 42; Бѣлоруссы, II, 2, стр. 221.

—ам, напримѣръ: рукамы, нагамы, рукми, свячми, сьлязьми, с рукам, за дровам, лаўкам и т. д. *).

Особенность бѣлорусской рѣчи въ этомъ склоненіи, неизвѣстную русскому литературному языку, представляютъ такія формы именительнаго падежа единственнаго числа, какъ — пани, княгини, гаспадыни, отмѣчаемыя въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, при чемъ первая встрѣчается, повидимому, повсемѣстно.

Къ склоненію именъ женскаго рода съ окончаніемъ А принадлежатъ и имена мужескаго рода съ такимъ же окончаніемъ, т.-е. такія, какъ судзьдзя, стараста, старшына и т. под., но въ нѣкоторыхъ говорахъ они образуютъ нѣкоторые падежи, какъ имена мужескаго рода.

СКЛОНЕНІЕ ИМЕНЪ ЖЕНСКАГО РОДА СЪ МЯГКИМЪ ИЛИ БЫВШИМЪ КОГДА-ТО МЯГКИМЪ СОГЛАСНЫМЪ ЗВУКОМЪ НА КОНЦѢ (на письмѣ съ Ь).

Имена женскаго рода, оканчивающіяся на мягкій согласный звукъ или на шипящіе, бывшіе когда-то мягкими, имѣютъ тѣ же окончанія, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, кромѣ творительнаго падежа единственнаго числа и дательнаго, творительнаго и мѣстнаго множественнаго.

Въ творительномъ падежѣ единственнаго числа отмѣчаются слѣдующія окончанія: во-первыхъ, то же, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, т.-е. ју (на письмѣ Ю), предъ которымъ происходитъ свойственное въ такомъ положеніи бѣлорусской рѣчи удвоеніе предшествующаго согласнаго звука (см. стр. 210), вслѣдствіе чего бѣлорусскіе творительные падежи съ такимъ окончаніемъ звучатъ иначе, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, напримѣръ: сольлю, гразьзю, пасьцельлю, ноччу, печчу и т. д. Діалектически вмѣсто удвоеннаго, бываетъ долгій согласный, сокращающійся въ нѣкоторыхъ говорахъ.

Во-вторыхъ, —ею, — ей при безударности окончанія, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ въ говорахъ въ силу аканья звука Е, и въ третьихъ, подъ удареніемъ —ою, —ёю (—'ою) и —ой, —ёй (—'ой), напримѣръ: нóчею, нóчей или начóю, начóй, касьцёю, касьцёй.

Въ дательномъ, творительномъ и мѣстномъ падежахъ, кромѣ окончаній, общихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, отмѣчаются въ отдѣльныхъ говорахъ подъ удареніемъ слѣдующія окончанія: въ дательномъ падежѣ —'ом и въ мѣстномъ —'ох, а въ творительномъ —ми, напримѣръ: касьцём, грудзёх, касьцёх, касьцьми, дзвярьми и т. д.

Формы творительнаго падежа съ окончаніемъ —ми есть сохраненіе старины: въ общерусскомъ языкѣ въ творительномъ падежѣ въ этомъ склоненіи было только окончаніе —ми.

---

*) Е. Ѳ. Карскій, Бѣлорусская рѣчь, стр. 42; Бѣлоруссы, П, 2, стр. 228.

Формы дательнаго падежа съ окончанiемъ —'ом и мѣстнаго съ окончанiемъ 'ох—также старина, но нѣсколько измѣненная въ звуковомъ отношенiи.

Въ русскомъ литературномъ языкѣ къ этому склоненiю принадлежитъ въ единственномъ числѣ и слово мужескаго рода путь*), но въ бѣлорусскомъ языкѣ, какъ уже сказано, оно и въ единственномъ числѣ склоняется, какъ—конь, корабль и друг., то-есть какъ имена мужескаго рода мягкаго склоненiя.

РАЗНОСКЛОНЯЕМЫЯ ИМЕНА.

Склоненiе въ бѣлорусскомъ языкѣ именъ, называемыхъ въ учебникахъ грамматики разносклоняемыми, также представляетъ нѣкоторыя отличiя отъ склоненiя ихъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Такъ имена средняго рода съ такъ называемымъ наращенiемъ —ен—, т.-е. такiя, какъ имя, время, темя, племя, пламя и т. д., часто образуютъ въ единственномъ числѣ формы безъ этого наращенiя и склоняются, какъ имена средняго рода мягкаго склоненiя, напримѣръ: имю, цемю, племю, имям, племям и т. д. Въ нѣкоторыхъ формахъ, напримѣръ, въ родительномъ падежѣ множественнаго числа они иногда сохраняютъ это наращенiе, но имѣютъ окончанiе —оў или при безударности его —аў, наприм. именаў **).

Примѣчанiе. Формы безъ наращенiя употребляются иногда и въ русской литературной рѣчи. Ихъ можно также встрѣтить въ поэтическихъ произведенiяхъ, напримѣръ: «То къ темю ихъ прижметъ» (Крыловъ); «Подобралъ туманъ выше темя горъ» (Кольцовъ); «Время нѣтъ» (Грибоѣдовъ, «Горе отъ ума». Д. III, явл. 18) и т. д.

Имена съ такъ называемымъ наращенiемъ Т отличаются отъ такихъ именъ въ русскомъ литературномъ языкѣ въ образованiи главнымъ образомъ формъ единственнаго числа. Въ русскомъ литературномъ языкѣ въ единственномъ числѣ почти исключительно употребляются формы съ суффиксомъ -'ОНОК: телёнокъ, поросёнокъ, теленка, поросенка и т. д. Только слово дитя измѣняется съ наращенiемъ Т: дитя, дитяти, дитятей и т. д.

Въ бѣлорусскомъ же языкѣ, наоборотъ, только слово дитя часто замѣняется новообразованiемъ съ суффиксомъ -ЁНОК (дэицёнок) и образуетъ отъ него остальные падежи единственнаго числа. Всѣ же другiя имена, означающiя названiя молодыхъ животныхъ, склоняются съ наращенiемъ Т, измѣняя его при цеканьи въ Ц, напримѣръ: парася, парасяци, циля, циляци и т. д. Въ подобныхъ формахъ бѣлорусская рѣчь сохраняетъ старину, правда, съ нѣкоторыми измѣненiями ея въ отдѣльныхъ падежахъ.

---

*) Во множественномъ числѣ оно теперь склоняется какъ прочiя имена существительныя мужескаго рода съ мягкимъ согласнымъ звукомъ на концѣ.

**) Акад. Е. Ѳ. Карскiй. Бѣлоруссы. II, 2, стр. 246.

Примѣчаніе. Въ склоненіи слова дитя въ единствен. числѣ въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ говорахъ рядомъ съ обычной формой отмѣчается и своеобразная форма дательнаго падежа—дзицяцю*).

Въ образованіи формъ множественнаго числа бѣлорусская рѣчь почти не отличается отъ русской литературной; только въ именительномъ падежѣ нерѣдко окончаніе Ы, вмѣсто А: циляты, парасяты и т. д.

Въ множественномъ числѣ нерѣдко также встрѣчаются эти имена и съ усложненнымъ суффиксомъ -ЕНЯТ- (разумѣется, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ неударяемаго Е)—гусиняты, воўчаняты, казьлиняты и т. д.

Объ именахъ, склоняемыхъ въ русскомъ литературномъ языкѣ съ наращеніемъ Р, т.-е. о склоненіи именъ мать и дочь, надо замѣтить слѣдующее. Слово дочь не употребляется въ бѣлорусской рѣчи, а замѣняется производными отъ него дачка́ или до́чка.

Слово мат обыкновенно имѣетъ на концѣ звукъ Ц'—мацъ; кромѣ того, употребляется форма маци. Эта форма есть архаизмъ и, кромѣ бѣлорусской рѣчи, сохранилась также и въ малорусскомъ нарѣчіи, разумѣется, съ сохраненіемъ звука Т (мати). Формы множественнаго числа образуются отъ производнаго слова матка; иногда отъ него образуются и формы единственнаго числа.

МѢСТОИМЕНІЯ.

Общая характеристика мѣстоименій въ бѣлорусскомъ языкѣ.

Въ бѣлорусскомъ нарѣчіи приблизительно тѣ же мѣстоименія, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ. Только нѣкоторыя изъ нихъ есть новообразованія, неизвѣстныя русской литературной рѣчи, но встрѣчающіяся отчасти и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ-языкахъ. Таковы, напримѣръ: наській, явоный, а въ нѣкоторыхъ говорахъ ягоный, ихній или ихный, такоўській, жодный, жодзен или жадзен, якій и другія. Нѣкоторыя мѣстоименія въ бѣлорусскомъ языкѣ нѣсколько отличаются отъ соотвѣтствующихъ мѣстоименій въ русскомъ литературномъ языкѣ или вслѣдствіе свойственныхъ бѣлорусскому языку и разсмотрѣнныхъ выше звуковыхъ явленій, или въ силу измѣненій ихъ звукового состава, вызванныхъ другими причинами. Таковы, напримѣръ: гэты или гэтый, ўвесь, кажный (каждый), ён (онъ), яна (она), тэй (тотъ) и т. д.

Въ формахъ склоненія мѣстоименій тоже есть особенности, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ. Однѣ изъ нихъ—новообразованія, неизвѣстныя русской литературной рѣчи и вызванныя свойственнымъ бѣлорусскому языку измѣненіемъ въ извѣстныхъ условіяхъ звуковъ или другими причинами, а другія—остатокъ старины. Оставляя въ сторонѣ, какъ общеизвѣстныя, формы общія у бѣлорусскаго языка съ русскимъ литературнымъ, отмѣчу наиболѣе значительныя, сравнительно съ нимъ,

*) Акад. Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы. II, ч. 2, стр. 248.

особенности въ склоненіи отдѣльныхъ мѣстоименій или группъ мѣстоименій.

Личныя мѣстоименія 1-го и 2-го лица и возвратное мѣстоименіе. Въ склоненіи личныхъ мѣстоименій 1-го и 2-го лица только формы множественнаго числа сходны съ соотвѣтствующими формами русскаго литературнаго языка. Въ единственномъ числѣ эти мѣстоименія, а также и возвратное себя въ нѣкоторыхъ падежахъ отличаются отъ соотвѣтствующихъ формъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Приведу полностью склоненіе этихъ мѣстоименій въ единственномъ числѣ съ діалектическими варіантами отдѣльныхъ падежей.

Им.	я.	ты.	
Род.	мянé, мине.	цябé, цибе.	сабé, сябé, сибé.
Дат.	мнѣ.	табѣ, тобѣ.	сабѣ, собѣ,
Вин.	сходенъ съ родительнымъ.		
Твор.	мною.	табою.	сабою.
Мѣст.	сходенъ съ дательнымъ.		

Въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги, въ дательномъ и мѣстномъ падежѣ на мѣстѣ ѣ слышится соотвѣтствующій дифтонгъ.

Формы дательнаго падежа табѣ, сабѣ и родительнаго мяне, цябе, сябя и мине, цибе, сибе есть нѣсколько измѣненные аканьемъ остатки старины: въ общерусскомъ языкѣ были, между прочимъ, въ дательномъ падежѣ формы тобѣ, собѣ, а въ родительномъ мене, тебе, себе.

Діалектически, въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ, встрѣчаются въ винительномъ падежѣ формы МЕ, ЦЕ, СЕ.

Мѣстоименіе 3-го лица. Мѣстоименіе 3-го лица склоняется какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ только въ косвенныхъ падежахъ множественнаго числа, а въ остальныхъ представляетъ слѣдующія образованія.

Единственное число.

	Мужескій родъ.	Средній родъ.	Женскій родъ.
Им.	ён.	янó.	янá.
Р.	ягó.	какъ въ мужескомъ родѣ.	яé.
Д.	яму.		ёй.
В.	какъ родительный.		яé.
Т.	йим.		ёй, ёю.
М.	йим, ём.		ёй.

Множественное число.

Им. яны, ены, ёны для всѣхъ родовъ.

Діалектически отмѣчается форма родительнаго падежа единств. числа муж. рода ёгó, а женскаго ие.

Особенность мѣстоименія 3-го лица, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, составляетъ еще то обстоятельство, что формы

косвенныхъ падежей, имѣя предъ собой предлогъ, не принимаютъ приставочнаго звука Н, напримѣръ к яму, к ёй, аб ёй и т. д. Отмѣчаемыя коегдѣ формы съ Н—результатъ великорусскаго вліянія.

МѢСТОИМЕНІЯ НЕЛИЧНЫЯ.

Общая характеристика. Въ мѣстоименіяхъ неличныхъ та же картина: однѣ формы тождественны съ соотвѣтствующими формами въ русскомъ литературномъ языкѣ, поскольку это тождество не нарушается свойственными бѣлорусской рѣчи измѣненіями звуковъ, а другія представляютъ или неизвѣстныя русскому литературному языку новообразованія, или въ большей или меньшей степени измѣненныя старыя формы и также не встрѣчающіяся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Отмѣтимъ наиболѣе распространенныя изъ формъ, не встрѣчающихся въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Мѣстоименія указательныя представляютъ значительное количество такихъ формъ; формъ, общихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ, у нихъ сравнительно немного. Приведу поэтому полностью склоненіе одного изъ указательныхъ мѣстоименій, напримѣръ, мѣстоименія той (тотъ) съ діалектическими варіантами отдѣльныхъ формъ.

Единственное число.

Мужескій родъ. Им. той, тый, тэй, тўой (въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги); род. тагó; дат. таму; вин. сходенъ съ именительнымъ или съ родительнымъ; твор. тым; мѣст. тым.

Средній родъ. Им. В. Зв. тóе, тóя, тоё. Остальные падежи какъ въ мужеск. родѣ.

Женскій родъ. Им. тая; род. таé, тыé, таей, таёй, тэй, тыя, тыи; дат. таей, той, тэй, таёй; вин. тую; твор. таей, таёй, таею, таёю, тою; мѣст. таей, таею, той, тэй, таёй, таёю.

Множественное число.

Во всѣхъ падежахъ множеств. числа формы мужескаго, женскаго и средняго рода одинаковы.

Им. тые, тыя, тыи (въ зависимости отъ говора); род. тых; дат. тым; вин. сходенъ съ именительнымъ или съ родительнымъ; твор. тыми; мѣст. тых.

Также склоняются мѣстоименія: гэтый (діалектически геты, етый, еты), такій или таки, самый, кажный (діалектически кожный), якій или яки, никкій, ўсякій, ихній или ихный, каторый, ейный и друг.

Изъ приведенныхъ формъ именит., отчасти винительный, творит. и мѣстн. падежи единственнаго числа мужескаго и средняго рода есть новообразованія, отличающія бѣлорусскую рѣчь отъ русскаго литературнаго языка и отчасти отъ другихъ русскихъ нарѣчій; формы род. и дат. паде-

жей того же рода и числа сходны съ тѣми же формами въ русскомъ литературномъ языкѣ съ тѣмъ лишь отличіемъ, что на мѣстѣ звука В въ родительномъ падежѣ въ рус. литературномъ языкѣ бѣлорусское нарѣчіе имѣетъ Г фрикативное *).

Примѣчаніе. Фрикативное Г на мѣстѣ русскаго литературнаго В въ окончаніи родительн. падежа единств. числа мужеск. и средн. рода имѣютъ и другія мѣстоименія, а также имена прилагательныя полной формы, числительныя порядковыя и причастія.

Формы единственнаго числа женскаго рода—попреимуществу бѣлорусскія новообразованія. Только форма род. пад. таё есть старая форма, измѣненная въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ общерусскаго Ѣ и неударяемаго О въ бѣлорусскомъ нарѣчіи: въ общерусскомъ языкѣ родит. падежъ единств. числа женскаго рода былъ тоѣ.

Формы множественнаго числа есть новообразованія, отличающія бѣлорусскую рѣчь какъ отъ общерусскаго языка, такъ и отъ современнаго русскаго литературнаго: въ общерус. языкѣ во множественномъ числѣ, кромѣ именительнаго и винительнаго падежа всѣхъ родовъ (муж., женск. и средн.), были тѣ же формы, что и въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ (разумѣется, съ Ѣ на мѣстѣ современнаго Е).

Примѣчаніе. Формы именительнаго и винительнаго падежа множествен. числа мужеск., средняго и женскаго рода въ общерусскомъ языкѣ были такія же, какъ и въ древне-церковно-славянскомъ языкѣ. Желающимъ ознакомиться съ этими формами рекомендую обратиться къ учебнику грамматики древне-церковно-славянскаго языка.

Склоненіе мѣстоименій мой, твой, свой. Въ склоненіи мѣстоименій мой, твой, свой, кромѣ формъ, общихъ съ современнымъ русскимъ литературнымъ языкомъ, въ родительномъ и дательномъ падежѣ мужескаго и средняго рода единствен. числ. отмѣчены слѣдующія, болѣе распространенныя формы: майго, твайго, свайго; майму, твайму, свайму; кромѣ того, мѣстный падежъ обыкновенно замѣняется творительнымъ. Въ нѣкоторыхъ говорахъ отмѣчаются формы родительнаго падежа маго, тваго, сваго.

Остальные падежи въ мужескомъ и среднемъ родѣ единственнаго числа тѣ же, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Въ женскомъ родѣ единственнаго числа не сходны съ русскимъ литературнымъ языкомъ: 1) формы родительнаго падежа — mаé, твае́, свае́, маёй, тваёй, сваёй; 2) дательнаго и мѣстнаго — маёй, тваёй, сваёй и 3) творительнаго — маёй, маёю, тваёй, тваёю и т. д. Всѣ эти формы есть новообразованія: въ общерусскомъ языкѣ были слѣдующія формы: род. пад. моеѣ, твоеѣ, своеѣ; дательный и мѣстный моей, твоей, своей и творительный моею, твоею, своею.

*) На письмѣ въ русскомъ литературномъ языкѣ также Г, равно какъ пишутся эти формы съ О—того, тому.

Въ именительномъ падежѣ множественнаго числа эти мѣстоименія имѣютъ одну для всѣхъ родовъ старую, форму — маѐ, тваѐ, сваѐ со звукомъ Е изъ стараго Ѣ и съ А изъ О (вслѣдствіе аканья), но формы эти въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ отчасти не на своемъ мѣстѣ: въ общерус. языкѣ моѣ, твоѣ, своѣ были формами только именит. и винит. падежей множ. числа женскаго рода и винительнаго множественнаго числа мужескаго.

Рѣже встрѣчаются формы именительнаго падежа множеств. числа маи, тваи, сваи (для всѣхъ родовъ). Остальные падежи множ. числа какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Сходно съ мой, твой, свой склоняются и мѣстоименія чый, чыя, чыё.

Мѣстоименіе ўвесь или увесь (весь) представляетъ въ нѣкоторыхъ падежахъ, съ одной стороны, образованія, сходныя съ отмѣченными въ только что разсмотрѣнныхъ мѣстоименіяхъ, а съ другой—отличается отъ соотвѣтствующихъ формъ въ русскомъ литературномъ языкѣ своимъ звуковымъ составомъ, обусловленнымъ звуковыми явленіями въ бѣлорусской рѣчи. Вслѣдствіе этого склоненіе его имѣетъ слѣдующій видъ.

Единственное число.

Мужескій родъ. Им. ўвесь, увесь. Р. ўсягѐ, ўвсягѐ. Д. ўсяму. В. какъ именит. или родит. Т. ўсим, ўсиэм въ говорахъ имѣющихъ дифтонги. М. ўсим, усём, ўсюом въ говорахъ, имѣющихъ дифтонги.

Средній родъ. Им. и вин. ўсё, усё. Остальные падежи какъ въ мужеск. родѣ.

Женскій родъ. Им. ўся, уся. Р. ўсяѐ, ўсеѐ, ўсеё, ўсей, ўсёй. Д. ўсёй, ўсёй. В. усю, ўсю. Т. ўсей, ўсёй. М. ўсей, ўсёй.

Множественное число.

Для всѣхъ родовъ. Им. ўси, уси, ўсе(ѣ), усиѐ. Р. ўсих, усих, ўсех (усѣх), ўсиэх. Д. ўсим, ўсиэм. В. какъ именительный или родительный. Т. ўсими, ўсеми (ўсѣми), ўсиэми. М. ўсих, ўсех (ўсѣх).

Въ мѣстоименіяхъ хто и што (кто и что) несходны съ соотвѣтствующими формами русскаго литературнаго языка формы творительнаго падежа ким и чым. Форма ким есть новообразованіе, а чым—нѣсколько измѣненная старая форма: въ общерусскомъ языкѣ были формы цѣмь и чимь. Остальныя формы этихъ мѣстоименій тѣ же, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, разумѣется, съ тѣмъ отличіемъ въ родительномъ падежѣ, о которомъ сказано выше (стр. 234).

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЯ.

Имена прилагательныя краткой формы. Бѣлорусская рѣчь употребляетъ почти исключительно имена прилагательныя, такъ называе-

мой, полной формы. Прилагательныя, такъ называемой, краткой формы еще менѣе употребительны, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Употребленіе ихъ ограничивается почти исключительно пѣснями.

Прилагательныя полной формы. Въ склоненіи именъ прилагательныхъ полной формы бѣлорусская рѣчь въ однихъ падежахъ имѣетъ тѣ же окончанія, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, а въ другихъ представляетъ своеобразныя особенности, характеризующія или только ее одну или вмѣстѣ съ ней и другія русскія нарѣчія-языки. Особенности эти слѣдующія.

Единственное число.

Мужескій родъ. Именительный падежъ обыкновенно имѣетъ въ твердомъ склоненіи окончаніе -ЫЙ, и въ мягкомъ -ИЙ. Русскаго литературнаго окончанія -ОЙ (въ извѣстныхъ условіяхъ) въ бѣлорусскомъ нарѣчіи вовсе нѣтъ, напримѣръ: красный, зяленый, синій, вяликій, дурный, сляпый, злый и т. д. Въ юго-западныхъ бѣлорусскихъ говорахъ и кое-гдѣ на сѣверо-востокѣ формы именительнаго падежа не имѣютъ на концѣ Й и оканчиваются на -Ы и -И: дурны, сляпы, злы, сини, зялены и т. д.

Въ говорахъ сѣверо-восточной Бѣлоруссіи, хотя и не вездѣ, именительный падежъ оканчивается на ЭЙ—святэй, маладэй, вяликей, другей, дурнэй и т. д.

Родительный падежъ въ твердомъ склоненіи имѣетъ -ОГО и въ мягкомъ -ЕГО, разумѣется, съ Г фрикативнымъ и съ измѣнені мъ въ говорахъ неударяемыхъ О и Е. Русскихъ литературныхъ окончаній съ В на мѣстѣ Г въ бѣлорусской рѣчи, какъ уже сказано (стр. 234), вовсе нѣтъ.

Въ качествѣ діалектическихъ отмѣчены родительные падежи—богатво друго (другого)*), то-есть съ выпаденіемъ Г, а во второмъ примѣрѣ и со стяженіемъ двухъ гласныхъ въ одинъ звукъ.

Остальные падежи единственнаго числа въ мужескомъ родѣ имѣютъ такія же окончанія, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ неударяемыхъ О и Е. Незначительныя отклоненія отмѣчаются только въ отдѣльныхъ говорахъ. Такъ въ рядѣ говоровъ въ значеніи мѣстнаго падежа употребляются формы творительнаго, напримѣръ: ў другим, ў жоўтым, ў цёмным, на чужым и т. д.**).

Среднiй родъ. Именительный падежъ, кромѣ одинаковыхъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончаній -ОЕ въ твердомъ и -ЕЕ въ мягкомъ склоненіи, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ ихъ въ силу аканья, имѣетъ иногда эти окончанія въ другомъ нѣсколько видѣ.

Такъ въ отдѣльныхъ говорахъ отмѣчается именительный падежъ средняго рода со стяженными окончаніями -О и -Е или съ измѣненіемъ ихъ соотвѣтствующимъ образомъ при аканьѣ, напримѣръ: ново, сине.

---

*) Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, II, 2, стр. 310.

**) Тамъ же, стр. 317.

Примѣчаніе. Отъ именъ прилагательныхъ краткой формы такіе именительные падежи отличаются по мѣсту ударенія: стяженныя формы имѣютъ удареніе на томъ же слогѣ, что и полныя, а краткія—на окончаніи.

Въ нѣкоторыхъ южно-бѣлорусскихъ говорахъ встрѣчаются именительные падежи съ окончаніемъ Э, напримѣръ: *бѣлэ*, *румянэ*, *малэ*, *чыстэ*, *золотэ* и т. д.

Формы косвенныхъ падежей средняго рода единств. числа, кромѣ винительнаго, тѣ же, что и въ мужескомъ родѣ.

Женскій родъ. Именительный падежъ имѣетъ одинаковое съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончаніе -АЯ. Въ юго-западныхъ говорахъ окончаніе -АЯ встрѣчается въ стяженномъ видѣ — добра, вялика, и т. д.

Примѣчаніе. Формы со стяженнымъ окончаніемъ отличаются отъ краткихъ формъ такъ же, какъ и въ среднемъ родѣ, по мѣсту ударенія.

Формы родительнаго падежа представляютъ по говорамъ значительное количество разновидностей. Здѣсь встрѣчается и общее съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончаніе -ОЙ въ твердомъ и -ЕЙ въ мягкомъ склоненіи съ измѣненіемъ неударяемыхъ О и Е, и рядъ окончаній, неизвѣстныхъ русскому литературному языку и представляющихъ отчасти новообразованія, отчасти остатки старины. Такъ отмѣчаются родительные падежи съ окончаніемъ -ЭЙ въ тѣхъ говорахъ, которые имѣютъ это окончаніе въ именительномъ падежѣ единственнаго числа мужескаго рода, напримѣръ: новэй, старэй, другей и т. д.

Въ говорахъ, сосѣднихъ съ малорусскими или, по опредѣленію акад. Е. Ѳ. Карскаго*), поблизости къ Полѣсью, а также и въ нѣкоторыхъ другихъ отмѣчается окончаніе -ОИ въ твердой разновидности склоненія и -ЕИ въ мягкой, съ измѣненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ неударяемыхъ О и Е, напримѣръ: богатаи, родзёнои, маладои, синяи, новои и т. д.**).

Въ отдѣльныхъ говорахъ встрѣчаются иногда формы родительнаго падежа съ окончаніемъ -ОЕ въ твердомъ и -ЕЕ въ мягкомъ, и -ЫЕ въ твердомъ и -ИЕ въ мягкомъ склоненіи, съ соотвѣтствующимъ измѣненіемъ при аканьи неударяемыхъ О и Е, напримѣръ: лихое доли, быстрае раки***); старые бабы, халодные вады, вяликія нядзѣли и т. д.

Изъ этихъ окончаній одни (-ОЕ, -ЕЕ, -ЫЕ, -ИЕ) есть остатокъ старины, измѣненный сообразно съ звуковыми явленіями въ бѣлорусской рѣчи; другія (-ОИ) — заимствованіе изъ малорусскаго нарѣчія, а третьи — новообразованія.

---

*) „Бѣлорусская рѣчь", стр. 48.

**) Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы II, 2, стр. 313.

***) Тамъ же, стр. 312.

Примѣчаніе. Общерусскимъ окончаніемъ этого падежа въ позднѣйшій періодъ эпохи общерусскаго единства было -ЫѢ въ твердомъ и -ѢѢ въ мягкомъ склоненіи; рядомъ съ ними въ памятникахъ древне-русской письменности, и притомъ даже чаще, встрѣчается -ОѢ и -ЕѢ. Эти послѣднія есть окончанія родительнаго падежа единственнаго числа женскаго рода такихъ мѣстоименій, какъ тотъ и мой и другихъ, сходно склоняющихся съ ними, замѣнившія основныя окончанія -ЫѢ и -ѢѢ и употреблявшіяся въ извѣстную эпоху жизни русскаго языка одновременно съ ними.

Бѣлорусское нарѣчіе въ приведенныхъ окончаніяхъ сохранило въ отдѣльныхъ говорахъ старыя формы, со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ стараго Ѣ и неударяемыхъ О и Е. Кромѣ бѣлорусскаго нарѣчія, эти формы сохранились и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ—ихъ отмѣчаютъ, напримѣръ, въ Олонецкой, Архангельской губ. и другихъ мѣстахъ.

Дательный падежъ, кромѣ общихъ съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончаній -ОЙ и -ЕЙ, съ соотвѣтствующимъ по говорамъ измѣненіемъ неударяемыхъ О и Е, имѣетъ также въ сѣверо-восточныхъ говорахъ и окончаніе -ЭЙ—чыстэй, сляпэй, маладэй, другей, вяликей и т. д.

Въ винительномъ падежѣ, кромѣ общаго съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончанія -УЮ, часто встрѣчается при безударности окончанія -АЮ, а иногда и -ЫЮ, напримѣръ: добраю, добрыю, вяликаю, дубовыю палку, старшаю, бальшаю дачку и т. д. Звуки А и Ы на мѣстѣ неударяемаго У въ этомъ окончаніи есть результатъ тѣхъ діалектическихъ измѣненій неударяемаго У, о которыхъ уже приходилось говорить при разсмотрѣніи діалектическихъ измѣненій гласныхъ (стр. 214).

Творительный падежъ, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, оканчивается на -ОЮ, -ЕЮ и рѣже на -ОЙ, -ЕЙ, съ измѣненіемъ въ говорахъ неударяемыхъ О и Е.

Діалектически встрѣчаются формы творительнаго падежа съ окончаніемъ -ЭЙ: старэй, маладэй, святэй и т. д.

Формы мѣстнаго падежа тѣ же, что и дательнаго.

Множественное число.

Падежныя окончанія во всѣхъ трехъ родахъ во множественномъ числѣ одинаковы.

Именительный падежъ имѣетъ въ зависимости отъ говоровъ различныя окончанія, изъ которыхъ одни болѣе широко распространены, а другія отмѣчаются только въ отдѣльныхъ говорахъ. Болѣе широкое распространеніе имѣютъ именительные падежи съ окончаніемъ -ЫЕ въ твердомъ и -ИЕ въ мягкомъ склоненіи съ измѣненіемъ въ говорахъ конечнаго Е, напримѣръ: добрые, синіе или—добрыя, вяликія, маладыя и т. д.

Нерѣдки также формы именительнаго падежа съ окончаніемъ -ЫИ въ твердомъ и -ИИ въ мягкомъ склоненіи и послѣ задненёбныхъ, напримѣръ: халодныи, добрыи, вялікіи, синіи и т. д.

Рѣже, въ отдѣльныхъ говорахъ встрѣчаются именительные падежи съ окончаніемъ -ЭЯ, напримѣръ: старэя, чужея, злэя, маладэя и т. д. и еще рѣже съ окончаніемъ -АИ: сѣраи, добраи *).

Всѣ эти формы находятъ себѣ объясненіе или въ исторіи русскаго языка или въ свойственномъ бѣлорусской рѣчи измѣненіи гласныхъ.

Остальные падежи множественнаго числа, кромѣ творительнаго, имѣютъ такія же окончанія, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ. Въ творительномъ падежѣ, кромѣ одинаковаго съ русскимъ литературнымъ языкомъ окончанія (-ЫМИ въ твердомъ и -ИМИ въ мягкомъ склоненіи), встрѣчается еще окончаніе -АМИ: дробнами, синями и т. д. и едва ли не въ единичныхъ случаяхъ -МИ и -МА. Изъ имѣющихся матеріаловъ академ. Е. Ѳ. Карскій приводитъ—горючьми слезами, з голыма рукама **).

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЯ.

Имена числительныя, такъ называемыя, порядковыя склоняются какъ имена прилагательныя полной формы, а въ склоненіи, такъ называемыхъ, количественныхъ именъ есть своеобразныя особенности. Главнѣйшія изъ нихъ слѣдующія.

Числительныя два (мужеск. родъ) и дзвѣ (женск. и средн. родъ) склоняются такъ же, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и слѣдующія формы, неизвѣстныя русскому литературному языку ***).

Родит. двох, дзвюх, дзвёх.

Дат. двом, дзвюм, дзвём, двомá, двумá, дзьвюмá, дзьвюмя.

Твор. двума, двома, дзвюма, дзвёма.

Мѣст. двох, дзвюх, дзвёх. *)

Сходно съ этимъ образуютъ формы родительнаго, дательнаго, творительнаго и мѣстнаго падежей числительныя 3, 4, 5 и т. д. рядомъ съ такими формами, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ.

СПРЯЖЕНІЕ.

Общая характеристика спряженія въ бѣлорусскомъ языкѣ.

Въ спряженіи глагола бѣлорусская рѣчь меньше расходится съ русскимъ литературнымъ языкомъ, чѣмъ въ склоненіи именъ, но и здѣсь также есть, съ одной стороны, остатки старины, а съ другой — новообразованія,

---

*) Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, II, 2, стр. 321 и Бѣлорусская рѣчь, стр. 49.

**) Бѣлоруссы, II, 2, стр. 322.

***) Е. Ѳ. Карскій. Бѣлорусская рѣчь, стр. 46—47 и Бѣлоруссы, II, 2, стр. 323—326.

несвойственныя русскому литературному языку. Не останавливаясь попрежнему на формахъ, общихъ у бѣлорусскаго нарѣчія съ русскимъ литературнымъ языкомъ, отмѣчу новообразованія и архаизмы, неизвѣстныя современному русскому литературному языку.

Настоящее время.

Изъявительное наклоненіе. Изъ формъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія сюда принадлежитъ 3-е лицо единств. числа и 1-е, 2 е и 3-е множественнаго.

3-е лицо единствен. числа оканчивается, во-первыхъ, на Т мягкое или въ цекающихъ говорахъ на Ц мягкое, напримѣръ: нясець, вядзець, грѣиць, кажыць, бярэць и т. д., во-вторыхъ — у глаголовъ, такъ называемаго, I-го спряженія на юго западѣ Бѣлоруссіи и кое-гдѣ на сѣверо-востокѣ третье лицо вовсе не принимаетъ окончанія Т' (Т мягкое, на письмѣ ТЬ) и равняется основѣ настоящаго времени съ соотвѣтствующимъ въ говорахъ измѣненіемъ при безударности звука Е, напримѣръ: расьце, кладзе, бярэ, пъе, краснѣя, спѣя дэѣлая и т. д. Не принимаютъ окончанія Т' или Ц' и глаголы, такъ называемаго, II-го спряженія съ удареніемъ на основѣ: 3-е лицо и у этихъ глаголовъ равняется основѣ настоящаго времени, но съ замѣной, подъ вліяніемъ подобныхъ формъ глаголовъ I-го спряженія, конечнаго гласнаго основы И звукомъ Е съ дальнѣйшимъ измѣненіемъ его въ силу аканья: ходзя, гавора, любя и т. д. но — стаиць, глядзиць, крычыць, и т. д. (удареніе не на основѣ).

Формы 3-го лица единственнаго числа имѣютъ мягкое Т на концѣ или вовсе не принимаютъ окончанія также въ южно-великорусскомъ и малорусскомъ нарѣчіи и въ нѣкоторыхъ сѣверно-великорусскихъ говорахъ.

Мягкое Т въ окончаніи 3-го лица единственнаго числа есть явленіе очень древнее: мягкимъ было Т въ этой формѣ и въ общерусскомъ языкѣ. Діалектически были въ старину и формы безъ окончанія Т, но такія формы въ современномъ бѣлорусскомъ языкѣ, какъ доказываетъ это акад. Е. Ѳ. Карскій (Бѣлоруссы II, 2, стр. 343—345), есть скорѣе новообразованія, чѣмъ архаизмъ.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ Могилевской губерніи отмѣчены формы третьяго лица единственнаго числа съ окончаніемъ -ТИ—бягити вовк, стоити чаловѣк*).

Какъ діалектическія явленія, встрѣчаются формы 3-го лица единств. числа съ твердымъ Т, а также и нѣкоторыя другія образованія.

Первое лицо множествен. числа имѣетъ то же окончаніе, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, только въ южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ оно принимаетъ окончаніе -МО: дамо́, ѣмо́, спимо́, купимо́ и т. д. Это окончаніе свойственно также и малорусской рѣчи.

2-е лицо множеств. числа имѣетъ то же окончаніе, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, т.-е. -ТЕ, съ измѣненіемъ въ цекающихъ

*) Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, П, 2, стр. 346.

говорахъ Т въ Ц; конечное Е при безударности въ силу аканья измѣняется въ говорахъ соотвѣтствующимъ образомъ; нерѣдко на него падаетъ удареніе, и въ такихъ случаяхъ оно или остается безъ измѣненія или переходитъ въ 'О (на письмѣ Ё): купицé, спицé, жывицё, спицё, идзицё и т. д.

3-е лицо во множ. числѣ такъ же, какъ и въ единственномъ, оканчивается на мягкое Т, напримѣръ: сидзяць, глидзяць, сохнуць, вянуць и т. д.

Мягкость Т въ окончаніи 3-го лица множественнаго числа такое же древнее явленіе, какъ и въ 3-емъ лицѣ единственнаго числа.

Существенно отличается эта форма отъ соотвѣтствующей формы въ современномъ русскомъ литературномъ языкѣ еще тѣмъ, что въ образованіи ея часто глаголы второго спряженія принимаютъ окончаніе перваго спряженія, т. е. -УТ' или -УЦ', вмѣсто -АТ' или -АЦ', напримѣръ: ходзюць, хочуць, любюць, гаворуць и т. д.

Отмѣченныя, какъ діалектическія, формы 3-го лица единств. числа съ окончаніемъ ТИ и твердымъ Т встрѣчаются также и во множественномъ числѣ.

Нѣсколько иначе, чѣмъ въ русскомъ литературномъ языкѣ, образуются формы настоящаго времени отъ глаголовъ ДАТЬ и ѢСТЬ. Во 2-мъ лицѣ единственнаго числа они имѣютъ — даси, яси, а въ нѣкоторыхъ говорахъ, сверхъ того, и — дасиш, ясиш; 1-мъ лицѣ множественнаго числа — дадзём, ядзём, въ нѣкоторыхъ южно-бѣлорусскихъ говорахъ — дамó, ямó, а въ говорахъ сосѣднихъ съ великорусскими — дадзим, ядзим.

Формы 2-го лица множественнаго числа, во-первыхъ, тѣ же, что и въ русскомъ литературномъ языкѣ, но, разумѣется, съ измѣненіемъ въ говорахъ мягкихъ Д и Т и съ тѣмъ лишь отличіемъ, что діалектически встрѣчаются формы съ удареніемъ на конечномъ гласномъ звукѣ Е—дадзицé, ядзицé или съ измѣненіемъ его въ этихъ условіяхъ въ 'О (Ё)—дадзицё, ядзицё; во-вторыхъ, довольно распространены формы дасьцё, ясьцё.

3-е лицо множественнаго числа отъ глагола ѣсть—ядуць.

Изъ этихъ формъ формы 2-го лица единственнаго числа даси, яси и 1-го лица множествен. числа дамó, ямó есть нѣсколько измѣненные архаизмы: такія образованія были въ говорахъ общерусскаго языка и въ общеславянскомъ языкѣ. Такой же архаизмъ, но также съ нѣкоторымъ измѣненіемъ въ звукахъ представляютъ и формы 2-го лица множественнаго числа дасьцё и ясьцё: въ общерусскомъ языкѣ было — дасте и ѣсте. Остальныя изъ приведенныхъ формъ этихъ глаголовъ есть ново образованія.

Изъ формъ настоящаго времени, такъ называемаго, вспомогательнаго глагола БЫЦЬ въ бѣлорусской рѣчи, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, употребляется только форма 3-го лица единственнаго числа, представляющая слѣдующія разновидности: ёсць, ёсть, ёсь, е.

Повелительное наклоненіе.

Формы повелительнаго наклоненія единственнаго числа тѣ же, что въ русскомъ литературномъ языкѣ и въ великорусскихъ нарѣчіяхъ. Чаще только въ бѣлорусскомъ языкѣ встрѣчаются формы 2-го лица безъ окончанія И, то-есть оканчивающіяся на согласный звукъ; напримѣръ, въ говорахъ отмѣчаются слѣдующія формы: несь, зроб, пасоб и т, д.

Въ множественномъ числѣ говоры, не сосѣдніе съ великорусскими, имѣютъ формы 1-го и 2-го лица съ суффиксомъ Е или ЙЕ (въ говорахъ имѣющихъ дифтонги) предъ окончаніемъ 1-го лица - М (на письмѣ МЪ) и 2-го - ТЕ, напримѣръ: пайдзем, нясѐм, хадзѐм, ляжем, касем или несием, вядзием и т. д. и нясеце, вядзеце, идзеце, жнеце, хадзеце, глядзеце или нясиеце, вядзиеце и т. д. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются и формы съ суффиксомъ И—вядзице, касице, нясиця, ляжыця и т. д.

Формы съ суффиксомъ Е или ЙЕ есть старыя образованія со свойственнымъ бѣлорусской рѣчи звуковымъ измѣненіемъ и имѣющія болѣе широкое распространеніе, чѣмъ въ общерусскомъ языкѣ: въ общерусскомъ языкѣ эти формы имѣли суффиксъ Ѣ у части глаголовъ, относимыхъ въ современной русской грамматикѣ къ первому спряженію, и суффиксъ И въ формахъ отъ остальныхъ глаголовъ; въ современной же бѣлорусской рѣчи, какъ видно и изъ приведенныхъ примѣровъ, въ образованіи формъ съ тѣмъ или другимъ суффиксомъ нѣтъ того разграниченія между глаголами, какое было въ старину.

Южно-бѣлорусскіе говоры имѣютъ формы повелительнаго наклоненія 1-го лица множественнаго числа съ окончаніемъ - МО: ходземо, уцекаймо, гляньмо и т. д.

Формы 3-го лица повелительнаго наклоненія образуются такъ же, какъ и въ великорусскомъ языкѣ съ той лишь особенностью, что вмѣсто русскаго литературнаго «пусть» бѣлорусская рѣчь имѣетъ нехай (или нихай, няхай): нихай йон скажа, нихай пойдуць и т. д.

Будущее время.

Будущее время въ бѣлорусскомъ нарѣчіи выражается такъ же, какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ; нѣкоторыя отклоненія преимущественно діалектическаго характера.

1) Во многихъ говорахъ будущее сложное выражается при помощи маю, маеш и т. д.: маю хадзиць, маю рабиць, маем купиць и т. д.

2) Въ южныхъ бѣлорусскихъ говорахъ весьма обычны формы будущаго времени такого же образованія, какъ и въ малорусскомъ языкѣ— робицьму, робицимеш, робицьме, робицьмем, робицьмеце, робицьмуць (Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, II, 2, стр. 390).

Прошедшее время.

Формы прошедшаго времени сходны съ соотвѣтствующими формами русскаго литературнаго языка, поскольку это сходство не нарушается свойственнымъ бѣлорусской рѣчи измѣненіемъ звуковъ.

Особенность бѣлорусской рѣчи, сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ, составляетъ, такъ называемое, давнопрошедшее время, но, по словамъ акад. Е. Ѳ. Карскаго*), оно встрѣчается рѣдко и «какъ особая форма прошедшаго не чувствуется». Е. Ѳ. Карскій приводитъ слѣдующіе примѣры бѣлорусскаго давнопрошедшаго времени: Я крѣпко ужасно бывъ уснувъ, я быў занямох, я пришў быў, але яго не застаў**), прасиў быў и друг.***).

Неопредѣленное наклоненіе.

Кромѣ формъ неопредѣленнаго наклоненія съ такимъ же окончаніемъ Т' (Т мягкое, на письмѣ ТЬ), какъ и въ русскомъ литературномъ языкѣ, или въ цекающихъ говорахъ съ -Ц' (Ц мягкое), въ бѣлорусскомъ языкѣ весьма распространено въ неопредѣленномъ наклоненіи окончаніе -ТИ или при цеканьи -ЦИ, напримѣръ: сѣсьци, ѣсьци, хаваци, насици, жыци и т. д.

Русскій литературный языкъ, какъ извѣстно, имѣетъ въ неопредѣленномъ наклоненіи окончаніе -ТИ: нести, везти, плести, трясти и т. д. только при удареніи на немъ; неопредѣленное наклоненіе съ удареніемъ не на окончаніи оканчивается на Т', кромѣ такихъ случаевъ, какъ—вынести вымести, вытрясти и подобныхъ имъ, гдѣ И сохраняется подъ вліяніемъ формъ — нести, трясти, мести съ удареніемъ на И. Въ бѣлорусской рѣчи употребленіе въ неопредѣленномъ наклоненіи окончанія -ТИ не находится въ зависимости отъ ударенія: оно бываетъ и подъ удареніемъ и безъ него.

Это явленіе есть архаизмъ; бѣлорусская рѣчь сходна здѣсь съ малорусской и нѣкоторыми сѣверно-великорусскими говорами.

ПРИЧАСТІЯ и ДѢЕПРИЧАСТІЯ.

Живая бѣлорусская рѣчь не употребляетъ формъ причастій настоящаго и прошедшаго времени дѣйствительнаго залога, извѣстныхъ въ русской книжной рѣчи. Въ бѣлорусскомъ языкѣ употребительны только, такъ называемыя, дѣепричастія съ окончаніемъ въ настоящемъ времени -УЧЫ и -АЧЫ, а въ прошедшемъ -ШЫ и -ЎШЫ: хóдзючы, сѣдзючы, лежучы, рыдаячы, стóячы, сѣўшы, ѣўшы, даўшы и т. д. Какъ и въ

*) Бѣлоруссы, II, 2, стр. 384—385.

**) Тамъ же.

***) Бѣлорусская рѣчь, стр. 53.

формахъ 3-го лица множ. числа настоящаго времени (см. стр. 241), такъ и въ причастіяхъ настоящаго времени окончанія -УЧЫ и -АЧЫ смѣшиваются: то и другое могутъ принимать глаголы I-го и II го спряженія.

Въ говорахъ, сосѣднихъ съ великорусскими, встрѣчаются дѣепричастія съ окончаніемъ -МШЫ: уѣхамшы, ўзямшы.

Изъ формъ страдательнаго залога Бѣлорусская рѣчь употребляетъ только причастія прошедшаго времени такого же образованія, какъ въ русскомъ литературномъ языкѣ.

Этимъ я и закончу характеристику бѣлорусскаго языка въ современномъ его состояніи.

Сравнительно съ русскимъ литературнымъ языкомъ бѣлорусская рѣчь представляетъ нѣкоторыя особенности въ удареніи и въ синтаксисѣ. Особенности эти, правда, невелики, но для полной характеристики современнаго бѣлорусскаго языка необходимо и ихъ имѣть въ виду. Однако за недостаткомъ времени я не имѣю возможности остановиться на нихъ и отсылаю желающихъ ознакомиться съ синтаксисомъ современнаго бѣлорусскаго языка къ работѣ акад. А. Ѳ. Карскаго «Бѣлорусская рѣчь» (стр. 53—58), а лицъ, имѣющихъ нѣкоторую лингвистическую подготовку, къ 3-й части II-го тома его «Бѣлоруссовъ», при чемъ настоятельно рекомендую также обратиться къ I-му тому и къ 1-й и 2-й части II-го тома этого труда, гдѣ можно найти болѣе подробную характеристику современной бѣлорусской рѣчи, чѣмъ та, которую при наличности ряда условій могъ дать я въ своихъ лекціяхъ; тамъ же (т. II, ч. 1) смотр. и объ удареніи въ бѣлорусскомъ языкѣ.

Очень также рекомендовалъ бы вниманію лицъ съ лингвистической подготовкой главу о бѣлорусскомъ нарѣчіи въ «Курсѣ исторіи русскаго языка» академика А. А. Шахматова, читанномъ въ Петроградскомъ Университетѣ въ 1909—1910 гг. Къ сожалѣнію, этотъ курсъ литографированный и въ настоящее время является библіографической рѣдкостью.

II. БѢЛОРУССКАЯ РѢЧЬ ВЪ ПРОШЛОМЪ.

Охарактеризовавъ бѣлорусскую рѣчь въ ея современномъ состояніи, естественно задать вопросъ, каковъ былъ бѣлорусскій языкъ въ прошломъ, нѣсколько вѣковъ назадъ. Вѣдь всякій живой языкъ, какъ уже сказано раньше, подвергается измѣненію на протяженіи всего періода своего существованія. Сравненіе современнаго русскаго литературнаго языка съ языкомъ русскихъ литературныхъ произведеній предшествующихъ вѣковъ (см. стр. 186) служитъ яснымъ примѣромъ такого измѣненія. Слѣдовательно современная бѣлорусская рѣчь это есть стадія бѣлорусскаго языка только въ настоящее время, отличающаяся отъ бѣлорусскаго языка въ прошломъ. Каковъ же былъ бѣлорусскій языкъ въ прошломъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти могутъ дать памятники западно-русской письменности. Такъ изъ этихъ памятниковъ мы узнаемъ,

что съ XIV вѣка въ западно-русскихъ памятникахъ появляется аканье, твердое Р на мѣстѣ мягкаго, глухіе согласные на мѣстѣ звонкихъ въ положеніи ихъ предъ глухими; памятники же этого вѣка указываютъ на измѣненіе Л въ У неслоговое; съ XIII-го вѣка имѣются указанія на измѣненіе В въ У неслоговое и съ XV-го на измѣненіе И въ И неслоговое; примѣры дзеканья и цеканья встрѣчаются съ XV—XVI в. и т. д. Также въ памятникахъ находимъ, что тѣ или другія новообразованія въ формахъ склоненія и спряженія появляются, начиная съ такого-то вѣка или наоборотъ, та или иная старая форма уже не встрѣчается въ такомъ-то вѣкѣ.

Однако этихъ данныхъ слишкомъ недостаточно для того, чтобы составить ясное представленіе о бѣлорусскомъ языкѣ въ прошломъ. Прежде всего они не отличаются полнотой; напримѣръ, такое явленіе, какъ измѣненіе звуковъ Е, О и Ѣ въ дифтонги, не отмѣчается ни въ самыхъ раннихъ ни въ болѣе позднихъ памятникахъ западно-русской письменности. Если же принять во вниманіе, что передача звуковъ на письмѣ вообще не отличается точностью и письмо не идетъ въ уровень съ жизнью языка, то-есть, что на письмѣ обозначаются далеко не всѣ звуки языка, какъ это уже и отмѣчено мной (стр. 193, 195, 196—197), и что на письмѣ, съ одной стороны, продолжаютъ употребляться буквы уже не существующихъ звуковъ (ср., напр., въ русскомъ литературномъ языкѣ употребленіе на письмѣ буквы Ѣ), а съ другой—вновь возникшіе звуки или вовсе не выражаются на письмѣ (ср. аканье въ русскомъ литературномъ языкѣ) или выражаются значительно позднѣе, чѣмъ возникли въ языкѣ, — то станетъ ясно, что западно-русскіе памятники письменности еще не даютъ прямого и точнаго отвѣта на вопросъ о состояніи бѣлорусскаго языка въ прошломъ. Изъ нихъ только видно, что то или другое явленіе въ языкѣ уже обозначалось на письмѣ въ такомъ-то вѣкѣ, но когда именно оно возникло, насколько раньше того времени, какъ стало обозначаться на письмѣ, — это можно установить только послѣ тщательнаго и довольно сложнаго, требующаго серьезной научной подготовки анализа представляемыхъ письменными памятниками написаній. Но, помимо этого, слѣдуетъ имѣть въ виду, что памятники западно-русской письменности не даютъ исчерпывающаго матеріала и въ другомъ отношеніи. Именно, древнѣйшіе памятники западнорусской письменности относятся только къ XIII-му вѣку; болѣе древнихъ памятниковъ западно-русской письменности нѣтъ. Слѣдовательно эти памятники письменности даютъ матеріалъ для характеристики бѣлорусской рѣчи только съ XIII-го вѣка. Что же представляла бѣлорусская рѣчь до XIII-го вѣка? Когда она приняла тотъ видъ, въ какомъ отражается въ памятникахъ, начиная съ XIII-го вѣка? Западно-русскіе памятники письменности естественно не могутъ дать отвѣта на этотъ вопросъ. Для разрѣшенія его обратимся къ нѣкоторымъ фактамъ изъ современнаго состоянія бѣлорусской рѣчи и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что извѣстно о первоначальныхъ поселеніяхъ русскихъ племенъ на территоріи теперешней Бѣлоруссіи.

Характеризуя современную бѣлорусскую рѣчь сравнительно съ другими русскими нарѣчіями, мы видѣли, что въ ней, кромѣ чертъ, общихъ съ другими нарѣчіями русскаго языка, указывающихъ на происхожденіе всѣхъ современныхъ русскихъ нарѣчій-языковъ отъ одного общерусскаго языка, есть, во-первыхъ, собственно бѣлорусскія черты, т. е. свойственныя исключительно ей, каковы: 1) дзеканье, 2) цеканье, 3) отвердѣніе Р, 4) рядъ діалектическихъ явленій въ области гласныхъ и согласныхъ звуковъ и 5) нѣкоторыя особенности въ склоненіи и спряженіи.

Во-вторыхъ,— черты общія съ малорусскимъ нарѣчіемъ, напримѣръ: 1) Ы и И въ такихъ словахъ, какъ мыю, крыю, рыю, налій, шый, пій шыя, злый, худый и т. д.; 2) Ы и И послѣ плавныхъ въ соотвѣтствіи современнымъ великорусскимъ О и Е преимущественно не въ закрытыхъ неударяемыхъ слогахъ: крыви, дрыжаць, крышыць и т. д. 3) измѣненіе въ извѣстныхъ условіяхъ Л въ У неслоговое, 4) двойные или долгіе согласные на мѣстѣ русскихъ литературныхъ сочетаній — мягкій согласный или шипящій + j въ положеніи предъ гласнымъ звукомъ (колья, брусься, плацьця, клочча, сучча и т. д.), 5) твердость шипящихъ согласныхъ и т. д., а также нѣкоторыя явленія въ склоненіи и спряженіи.

Въ третьихъ,— черты, общія съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ, каково смѣшеніе Ч и Ц, и въ четвертыхъ,— черты общія съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ, изъ которыхъ наиболѣе крупной является аканье, хотя оно и не вполнѣ сходно съ южно-великорусскимъ (сходство, какъ мы видѣли, только въ основныхъ чертахъ).

Изъ этихъ четырехъ группъ явленій не всѣ равномѣрно распредѣлены на бѣлорусской территоріи. Болѣе широкое, повсемѣстное распространеніе имѣютъ черты собственно бѣлорусскія и общія съ малорусскимъ нарѣчіемъ, разумѣется, кромѣ чертъ діалектическихъ. Черты общія съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ свойственны только сѣверно-бѣлорусскимъ говорамъ, а наиболѣе характерная изъ чертъ общихъ съ южно-великорусскимъ нарѣчіемъ — аканье, хотя и свойственно всему бѣлорусскому нарѣчію, но распространено въ немъ весьма неравномѣрно: оно ослабляется и видоизмѣняется въ направленіи съ востока на западъ. Эти обстоятельства имѣютъ огромное значеніе при сужденіи о бѣлорусскомъ языкѣ въ періодъ, предшествовавшій тому времени, отъ котораго имѣются памятники западнорусской письменности, то-есть въ періодъ до XIII-го вѣка.

Наличность въ современной бѣлорусской рѣчи чертъ собственно бѣлорусскихъ, общихъ съ малорусскимъ, сѣверно великорусскимъ и южно-великорусскимъ нарѣчіями указываетъ на то, что въ составъ современной бѣлорусской народности вошли разныя русскія племенныя группы, имѣвшія свои особенности въ языкѣ, изъ совокупности которыхъ и образовалась современная бѣлорусская рѣчь. Начальная русская лѣтопись, говоря о разселеніи славянскихъ племенъ по русской равнинѣ, называетъ племена, занимавшія къ IX—X вѣку территорію современной Бѣлоруссіи. Здѣсь, по ея словамъ, сидѣли дреговичи, радимичи и западная часть кривичей—

смоленскіе и полоцкіе кривичи; восточные же кривичи занимали часть территоріи теперешнихъ сѣверно-великорусскихъ говоровъ. Мѣсто поселенія кривичей на территоріи теперешней Бѣлоруссіи совпадаетъ приблизительно съ тѣми современными бѣлорусскими говорами, которые на ряду съ чертами общебѣлорусскими имѣютъ черты, общія съ сѣверно-великорусскимъ нарѣчіемъ. Это обстоятельство даетъ основаніе видѣть въ бѣлорусскихъ говорахъ, имѣющихъ сѣверно-великорусскія черты, потомка говора смоленскихъ и полоцкихъ кривичей, воспринявшаго рядъ другихъ чертъ въ эпоху совмѣстной языковой жизни съ говорами другихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ бѣлорусской народности.

Объ отношеніи другихъ чертъ современной бѣлорусской рѣчи къ остальнымъ племенамъ, занимавшимъ бѣлорусскую территорію, нельзя говорить съ такой опредѣленностью: здѣсь возможны разнаго рода предположенія съ извѣстной степенью вѣроятности.

Если принять выводы академ. А. А. Шахматова *) о передвиженіи русскихъ племенъ и его предположеніе о ляшскомъ происхожденіи дреговичей и радимичей, то исторія бѣлорусской народности, а слѣдовательно и ея нарѣчія можетъ быть представлена въ слѣдующемъ видѣ. Дреговичи и радимичи есть первоначальное ядро бѣлорусской народности. Ихъ говоръ изстари характеризовался тѣми чертами въ области звуковъ, которыя теперь могутъ быть названы собственно бѣлорусскими. Эти черты воспринялъ и говоръ западныхъ кривичей послѣ того, какъ западные кривичи стали жить одною жизнью съ другими племенами, вошедшими въ составъ теперешнихъ бѣлоруссовъ. Эта первоначальная основа современнаго бѣлорусскаго языка подверглась далѣе вліянію съ двухъ сторонъ—сначала съ юга, а позднѣе и съ востока. Въ историческую эпоху подъ напоромъ кочевавшихъ въ южно-русскихъ степяхъ тюркскихъ ордъ происходитъ сдвигъ съ первоначальныхъ мѣстъ поселенія славянскихъ племенъ, жившихъ на югѣ Россіи; въ результатѣ этого сдвига въ область, занятую дреговичами, двинулись древляне, въ языкѣ которыхъ къ этому времени уже были особенности, характеризующія отчасти современную малорусскую рѣчь и выработанныя совмѣстно съ другими южно-русскими племенами, образовавшими впослѣдствіи малорусскую народность. Поселеніе на территоріи теперешней Бѣлоруссіи южно-русскаго племени, одного изъ предковъ теперешнихъ малоруссовъ, со своеобразными особенностями его рѣчи, имѣло своимъ послѣдствіемъ ассимиляцію первоначальныхъ поселенцевъ на бѣлорусской территоріи съ переселившимися сюда болѣе многочисленными, какъ полагаютъ, древлянами. Въ результатѣ этой ассимиляціи языкъ первоначальныхъ поселенцевъ воспринялъ черты, опредѣляемыя теперь, какъ общія современной бѣлорусской и малорусской рѣчи.

Осложненный южно-русскими чертами предокъ современнаго бѣлорусскаго языка не остался въ такомъ видѣ и подвергся, какъ уже сказано,

*) Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка.

нѣкоторому измѣненію подъ вліяніемъ другой колонизаціонной волны, шедшей съ востока. Восточными сосѣдями племенъ, послужившихъ ядромъ бѣлорусской народности, издавна были вятичи. Колонизаціонное движеніе вятичей первоначально направлялось на юго-востокъ. Но тѣ же тюркскія орды, кочевавшія здѣсь въ X, XI и XII вѣкѣ, не только прекратили движеніе сюда вятичей, но и вынудили ихъ двинуться назадъ, на сѣверо-западъ. Въ этомъ обратномъ движеніи вятичи широкимъ потокомъ хлынули на территорію теперешней Бѣлоруссіи, ассимилируя себѣ тамошнее населеніе и въ свою очередь ассимилируясь съ нимъ. Въ результатѣ этой ассимиляціи въ мѣстномъ языкѣ опять произошли значительныя измѣненія. Съ одной стороны, утратились нѣкоторыя изъ чертъ, принесенныхъ древлянами въ область дреговичей, радимичей и западныхъ кривичей, и сохранились только тѣ изъ нихъ, которыя въ настоящее время являются общими у бѣлоруссовъ съ малоруссами, а съ другой — возникли новыя явленія, опредѣляемыя теперь, какъ общія бѣлорусскому и южно-великорусскому нарѣчію; .таково, напримѣръ, аканье (ср. сказанное выше, стр. 246), характеръ и ослабленіе котораго въ направленіи съ востока на западъ и даетъ академ. А. А. Шахматову основаніе видѣть въ немъ черту, возникшую подъ вліяніемъ, шедшимъ съ востока, то-есть со стороны предковъ теперешнихъ южно-великоруссовъ.

Восточно-русское вліяніе, или вліяніе языка вятичей, было послѣднимъ крупнымъ вліяніемъ, внесшимъ существенныя измѣненія въ языкъ, лежащій въ основѣ современнаго бѣлорусскаго языка. Въ болѣе позднее время онъ испыталъ на себѣ вліяніе поляковъ, литовцевъ и другихъ сосѣдей, но эти вліянія не заходили такъ глубоко, не захватывали всей его сущности въ такой степени, какъ южно-русское и восточно русское вліяніе, и ограничились преимущественно словаремъ — заимствованіемъ бѣлорусской рѣчью ряда словъ польскихъ, литовскихъ и другихъ. (См. академ. Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 125—164).

Но несмотря на свой пестрый составъ, бѣлорусскій языкъ въ настоящее время является болѣе или менѣе однороднымъ на всей бѣлорусской территоріи, и на мѣстѣ нѣсколькихъ племенъ, жившихъ на ней, мы находимъ теперь одну бѣлорусскую народность. Очевидно, была какая-то сила, объединившая всѣ эти разнородные элементы, спаявшая ихъ въ одно цѣлое, въ одну современную намъ бѣлорусскую народность. Объединяющую роль въ данномъ случаѣ сыграли условія политической жизни. Образовавшееся въ XIII вѣкѣ Литовское государство мало-по-малу подчинило себѣ западно-русскія области. Къ концу XIV-го вѣка подъ властью Литвы были земли, занятыя когда-то дреговичами, радимичами и западными кривичами. Привязанныя къ одному политическому центру, взамѣнъ прежней разрозненности, эти области, а равно и населявшіе ихъ потомки прежнихъ племенныхъ группъ объединяются въ одно цѣлое, въ одну бѣлорусскую народность. На почвѣ такого объединенія вырабатывается и одинъ языкъ, распространившій свои характерныя черты и на языкъ тѣхъ областей, ко-

торыя раньше стояли внѣ исторіи племенъ, вошедшихъ въ составъ бѣлорусской нородности, но теперь вмѣстѣ съ ними подпали подъ власть Литвы. Образовавшійся въ такихъ условіяхъ языкъ и есть тотъ языкъ, который мы теперь называемъ бѣлорусскимъ. Памятники западно-русской письменности, какъ мы уже видѣли, показываютъ, что этотъ языкъ къ XV вѣку почти окончательно сложился — къ этому времени въ немъ уже были на лицо почти всѣ тѣ черты, которыя характеризуютъ его и въ настоящее время. Если въ памятникахъ нѣкоторыя явленія отмѣчаются позднѣе, то это объясняется только консервативностью письма, а анализъ этихъ явленій показываетъ, что они возникли значительчо раньше. Такимъ образомъ можно принять, что бѣлорусскій языкъ, какъ таковой, сложился только къ XV вѣку и слѣдовательно только съ этихъ поръ можно говорить о бѣлорусскомъ языкѣ.

Здѣсь можетъ возникнуть вопросъ: что означаютъ термины бѣлоруссы, Бѣлоруссія? или, какъ говорили въ старину, «Бѣлая Русь»? Ученые, занимавшіеся разъясненіемъ этихъ названій, не приходятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Ал. Аѳ. Потебня, напримѣръ, объяснялъ выраженіе «Бѣлая Русь», какъ названіе независимой отъ татаръ Руси, исходя изъ параллелей «бѣлый свѣтъ» въ значеніи вольный міръ. «бѣлый царь»—независимый царь, «бѣлое мѣсто»—нетяглое мѣсто и т. д.*). Академикъ В. Ив. Ламанскій отвергалъ такое толкованіе выраженія «Бѣлая Русь» на томъ основаніи, что современная Бѣлоруссія въ эпоху порабощенія татарами остальной Руси не была политически вольной, независимой **). Академикъ Е. Ѳ. Карскій полагаетъ ***), что источникъ для такого названія народа и занимаемой имъ страны заключается во внѣшности бѣлорусса—въ цвѣтѣ его волосъ и одежды: блондины, попреимуществу съ голубыми или свѣтлосѣрыми глазами, бѣлоруссы носятъ одежду (свитки, шапки-магерки и кожухи) также бѣлаго цвѣта. Время появленія этого термина также не установлено съ достаточной опредѣленностью. В. Ив. Ламанскій доказывалъ,****) что названіе „Бѣлая Русь" было уже въ концѣ XIII-го вѣка и появилось раньше названій „Великая" и „Малая Русь". Акад. Е. Ѳ. Карскій не раздѣляетъ этого взгляда и полагаетъ, что названіе «Бѣлая Русь» появилось не раньше терминовъ „Великая» и «Малая Русь», а послѣ нихъ и въ подражаніе имъ.

Какова же судьба образовавшагося къ XV вѣку бѣлорусскаго языка? Эта судьба стоитъ въ тѣсной связи съ политической исторіей бѣлорусскаго народа. Если въ исторіи Бѣлоруссіи послѣ присоединенія западно-русскихъ областей къ Литвѣ различаютъ періоды—Литовскій, Польскій и періодъ возсоединенія съ общерусской жизнью, то такіе же періоды

---

*) Живая Старина 1891 г., вып. III, стр. 119; или Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 116.

**) Тамъ же, стр. 246; или Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 116.

***) Бѣлоруссы, I, стр. 117.

****) Живая Старина 1891 г., вып, III, стр. 245—248.

можно установить и въ исторіи бѣлорусскаго языка. Въ Литовскій періодъ бѣлорусской исторіи бѣлорусскій языкъ со времени Ольгерда становится офиціальнымъ языкомъ и языкомъ высшаго литовскаго общества. Это обусловливается какъ численнымъ перевѣсомъ бѣлоруссовъ надъ литовцами, такъ и ихъ болѣе высокимъ культурнымъ уровнемъ. Литовцы постепенно усваиваютъ культуру покореннаго ими народа, а вмѣстѣ съ ней и его языкъ.

Иное положеніе занимаетъ бѣлорусскій народъ и его языкъ въ Польскій періодъ бѣлорусской исторіи, когда Литва и Бѣлоруссія находятся подъ властью Польши. При господствовавшей въ польской политикѣ по отношенію къ другимъ народностямъ полонизаціи, бѣлорусскій языкъ мало-по-малу вытѣсняется изъ офиціальнаго употребленія польскимъ языкомъ и надолго остается языкомъ простого народа. Народъ въ это время является единственнымъ хранителемъ бѣлорусскаго языка, такъ какъ полонизація захватываетъ верхніе слои русскаго общества. Но и народный бѣлорусскій языкъ, при совмѣстной культурной жизни бѣлоруссовъ и поляковъ, а также вслѣдствіе подражанія простого народа интеллигенціи, испытываетъ на себѣ въ это время значительную долю польскаго вліянія, воспринимая рядъ полонизмовъ, преимущественно въ словарѣ (см. Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы, I, стр. 143 и слѣд.).

Новая эра въ жизни бѣлорусскаго языка наступила послѣ возсоединенія Бѣлоруссіи съ общерусской жизнью. Это возсоединеніе началось отчасти еще со второй половины XVII-го вѣка и закончилось въ концѣ XVIII-го (раздѣлы Польши). Съ этого времени постепенно усиливается въ Бѣлоруссіи русское культурное вліяніе, сказывающееся и на бѣлорусскомъ языкѣ: послѣдній начинаетъ постепенно освобождаться отъ полонизмовъ. Въ этотъ же періодъ, подъ вліяніемъ господствовавшаго въ это время интереса къ народности вообще, появляется интересъ къ бѣлорусскому народу, его словесному творчеству и средству для этого творчества— языку. Къ половинѣ XIX-го вѣка относятся и попытки литературнаго творчества на бѣлорусскомъ народномъ языкѣ, и бѣлорусскій народный языкъ постепенно пріобрѣтаетъ характеръ литературнаго языка, правда, въ ограниченныхъ размѣрахъ. Въ настоящее время бѣлоруссы имѣютъ на своемъ языкѣ газеты.*)

Современный бѣлорусскій литературный языкъ. Въ основѣ современнаго бѣлорусскаго литературнаго языка лежитъ юго-западный, въ частности сильно акающій говоръ. Нельзя сказать, чтобы бѣлорусскій литературный языкъ въ настоящеее время окончательно сложился. Обиліе въ немъ полонизмовъ и діалектическихъ чертъ указываетъ на то, что обработка его еще не закончена.

Современное состояніе научнаго изученія бѣлорусскаго языка. По изученію бѣлорусскаго языка и его говоровъ до сихъ поръ сдѣлано много, пожалуй, больше, чѣмъ по изученію другихъ современныхъ нарѣчій русскаго языка. Здѣсь всякій бѣлоруссъ, любящій свой языкъ, съ особенной благодарностью долженъ отнестись къ академ. Е. Ѳ.

*) Недавно вышла на бѣлорусскомъ нарѣчіи „Беларуская граматыка для школ" Тарашкевича.

Карскому, въ теченіе многихъ лѣтъ работающему надъ изученіемъ бѣлорусскаго языка. Несмотря однако на обширную литературу описательнаго и научнаго характера, посвященную описанію и изученію бѣлорусскаго языка и его говоровъ, нѣкоторые вопросы изъ исторіи бѣлорусскаго языка и до сихъ поръ за недостаткомъ матеріала остаются не вполнѣ выясненными. Между тѣмъ, при наличности нѣкоторыхъ діалектическихъ подробностей нѣкоторые изъ такихъ вопросовъ, можетъ быть, получили бы нѣсколько иное освѣщеніе.

Заключеніе. Заканчивая свой курсъ, я поэтому обращаюсь къ своимъ слушателямъ, а равно и ко всѣмъ бѣлоруссамъ, которымъ случится, можетъ быть, держать въ рукахъ настоящій курсъ лекцій по выходѣ его изъ печати, съ покорнѣйшей просьбой относиться съ большимъ вниманіемъ къ говору той мѣстности, гдѣ придется жить или бывать, и записывать его, не упуская и малѣйшихъ его особенностей.

Такими записями значительно увеличится матеріалъ для дальнѣйшаго изученія бѣлорусской рѣчи, а слѣдовательно и русскаго языка вообще, и русской филологіи въ этомъ отношеніи оказана будетъ неоцѣнимая услуга.

П. Расторгуевъ.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПОСОБІЯ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ БѢЛОРУССКАГО НАРѢЧІЯ.

Акад. Е. Ѳ. Карскій. Бѣлоруссы. Т. I. Введеніе къ изученію языка и народной словесности. Т. II. Языкъ бѣлорусскаго племени. Вып. 1-й. Историческій очеркъ звуковъ бѣлорусскаго нарѣчія; вып. 2-й. Историческій очеркъ словообразованія и словоизмѣненія въ бѣлорусскомъ нарѣчіи; вып. 3-й. Очерки синтаксиса бѣлорусской рѣчи.

Его же. Бѣлорусская рѣчь. Очеркъ народнаго языка съ историческимъ освѣщеніемъ.

Его же Этнографическая карта Бѣлорусскаго племени. 1917 г.

Его же. Матеріалы для изученія бѣлорусскихъ говоровъ (Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Акад. Наукъ 1897 г., кн. 2-я; 1898 г., кн. 3-я; 1899 г., кн. 3-я; 1900 г., кн. 4-я; Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности Акад. Наукъ, т. 75, 1904 г.; т. 82, 1907 г.; т. 88, 1910 г.).

Его же. Замѣтки по бѣлорусскимъ говорамъ (Рус. Фил. Вѣст. 1901 г. № 3—4).

Его же. Къ вопросу объ этнографической картѣ бѣлорусскаго племени (Могилевск. Губернск. Вѣд. 1902 г.).

Акад. А. А. Шахматовъ. Курсъ исторіи русскаго языка, ч. 2-я, литографированное изданіе лекцій, читан. въ Петроградскомъ Университетѣ въ 1909—1910 учебн. году: (см. соотвѣтствующій отдѣлъ).

Его же. Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, ч. 1-я. Историческій процессъ образованія русскихъ племенъ и нарѣчій.

Акад. А. И. Соболевскій. Опытъ русской діалектологіи. Вып. I.

Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовъ и Д. Н. Ушаковъ. Опытъ діалектологической карты русскаго языка въ Европѣ съ приложеніемъ очерка русской діалектологіи. (Труды. Моск. Діалект. Ком., вып. 5).

Klich, E. Teksty, bialoruskie z powiatu nowogródzkiego (Mater. i prace Kom. jezykowej. II, 1903 г.).

И. И. Носовичъ. Словарь бѣлорусскаго нарѣчія (Недостатки словаря см. у Е. Ѳ. Карскаго. Бѣлоруссы, т. I, стр. 251—253).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ИСПРАВЛЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
186	3 св.	малорусскаге	малорусскаго
	9 „	наряду	на ряду
	11 сн.	наряду	на ряду
	10 „	Тоже	То же
	3 „	явыкъ	языкъ
	1 „	состаяніи	состояніи
188	5 сн.	обшеславянскимъ	общеславянскимъ
189	4 св.	Приэтомъ	При этомъ
190	1 св.	Неправильно перенесено на другую строку слово употреблять	
	11 св.	въ настояшемъ	въ настоящемъ
	14 „	состовляютъ	составляютъ
	14 „	которыя	которые
	14 сн.	какого нибудь	какого - нибудь
	3 „	Неправильно перенесено на другую строку слово направляющихъ	
191	3 св-	Процессcъ	Процессъ
	11 „	Неправильно перенесено на другую строку слово между.	
	21 „	прохо	прохо —
192	22 сн.	М;	М,
	21 „	согласные,	согласные:
	17 „	не носовые	неносовые
193	2 св.	литературномъ	литературномъ
	6 „	въ словахъ	въ словахъ:
	11 сн.	согласные	согласные,
194	11 св.	обстоятеластву	обстоятельству
	20 „	подмимается	поднимается
	1 сн.	кэкъ	какъ
195	7 св.	И и даже	И, и даже
	17 сн.	буквенныъ	буквеннымъ
196	4 св.	(стр. 000).	(стр. 193).
	9 сн.	то есть	то - есть.
197	15 св.	h образуются	h, образуются
	4 сн.	Ф при чемъ	Ф, при чемъ
199	3-4 св.	шумнымъ	шумомъ
	7 „	причемъ	при чемъ
	15 „	замѣтимъ	замѣтимъ,
200	5 св.	произносятся	произносится
201	2 св.	другихъ нарѣчій	другихъ русскихъ нарѣчій
	13 св.	до рѣки Вазузы.	до рѣки Вазузы, отдѣляя къ Бѣлоруссіи юго - западную часть Ржевскаго уѣзда Тверской губерніи.
	14-16 св.	Суража, Бѣлостокскаго уѣзда, Гродненской губерніи, приблизительно до г. Новгородъ Сѣверска, Черниговской	Суража Бѣлостокскаго уѣзда Гродненской губерніи приблизительно до г. Новгородъ-Сѣверска Черниговской

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
	10 сн.	Суражомъ, Бѣлостокскаго уѣзда,	Суражомъ Бѣлостокскаго уѣзда
	9 „	уѣздѣ,	уѣздѣ
	4 „	Свѣнцянскій	Свенцянскій
202	15 сн.	что и русскомъ	что и въ русскомъ
203	16 св.	согласнымъ	согласнымъ,
	17 „	пошли Ў двоемъ	пашли Ў дваем
	17-18 св.	хад — зила	ха — дзила
	13 сн.	онъ	оно
204	3 св.	мозгъ	мозг
	18 „	Х или	Х, или
	19 сн.	причемъ	при чемъ
	4 „	условіяхъ гдѣ	условіяхъ, гдѣ
205	6 св.	твердо эровые	твердо-эровые
	9 „	Бѣседь	Бесѣдь
	17 „	но-хадзиць	но — хадзиць
	25 „	не бѣглыхъ	небѣглыхъ
	3 сн.	дымъ	домъ
	3 „	не бѣглое	небѣглое
	1 „	Бѣлоруссы, т. П,	Бѣлоруссы, т. II,
206	7 св.	піеч, сіем, лиес	пиеч, сием, лиес
	4 сн.	удоряемаго	ударяемаго
207	12 св.	И. Напримѣръ:	И, напримѣръ:
	12 „	вязну, вязнѣ	вясну, вяснѣ
	13 „	но ныга	но — ныга
	15 „	напр.	напр.:
	15 „	пысядзили	пысадзили
	16 „	пыглядзим	пыглядзим
	16 „	па́лычка, са́нычка	палычка, санычки
	19 „	открытаго. Напримѣръ:	открытаго, напримѣръ:
	20 „	зарѣзыла	зарѣзыла
	21 „	въ предыдущемъ	въ предударномъ
	22 „	напримѣръ, го́рыда	напримѣръ: горыда
	24 „	въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Себежскаго	въ говорахъ Себежскаго
207	25-26 св.	Городокскаго и Витебскаго уѣздовъ, Витебской губерніи; въ восточной части Могилевской	Городокскаго, Велижскаго, Полоцкаго и Витебскаго уѣздовъ Витебской губерніи, въ Смоленской, въ восточной части Могилевской
	28 св.	образованія. Напримѣръ:	образованія, напримѣръ:
	29 „	вязна	вясна
	29 „	насадзили	пасадзили
	30 „	въ южной части Иллукстскаго уѣзда,	въ юго-восточной части Иллукстскаго уѣзда
	31 „	въ южной части Ново-Александровскаго уѣзда,	въ восточной части Новоалександровскаго уѣзда
	32 „	въ Дриссенскомъ Леппельскомъ и юго-восточной части Полоцкаго уѣзда,	въ Дриссенскомъ, Леппельскомъ и юго-западной части Полоцкаго уѣзда
	33 „	Диссенскомъ	Дисненскомъ
	34 „	уѣздѣ,	уѣздѣ

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
	34 „	Сѣннянскомъ	Сѣнненскомъ
	35 „	въ восточной	въ западной
	36 „	Могилевской губерніи.	Могилевской губерніи и въ Ржевскомъ уѣздѣ Тверской.
	38 „	ударяемому, А	ударяемому, а
	39 „	сохраняются. Напримѣръ:	сохраняются, напримѣръ:
207	41 св.	за исключеніемъ сѣверной и западной ея частей	за исключеніемъ мѣстностей съ сильнымъ аканьемъ и западной ея части
	42 св.	населенныхъ	населенной
	43 „	Новогрудскомъ Игуменскомъ, и отчасти Быховскомъ уѣздѣ	Новогрудскомъ, Минскомъ, Игуменскомъ, Бобруйскомъ и Слуцкомъ уѣздахъ Минской губерніи, въ Рогачевскомъ и отчасти Быховскомъ уѣздахъ
208	2 св.	по вергаются	подвергаются
	8 „	граничаніе съ сѣверносмалорусскими	граничащіе съ сѣверномалорусскими
	23 „	Неправильно перенесено на другую строку слово отождествляя	
	29 „	(см. выше стр. 207).	(см. выше стр. 196).
210	5 св.	Неправильно перенесено на другую строку слово является	
	16 „	жаЎтокъ	жаЎток
	22 „	современное сочетаніе	современныя сочетанія
	8 сн.	мягкихъ Д и Т предъ j	мягкихъ Д или Т + j
211	2 сн.	падежъ	падежъ,
212	7 св.	характеръ	характеръ,
212	2 сн.	вôзъ	вôз
214	18 св.	коршынъ	коршын
	21 „	бикъ	бик
	12 сн.	звука въ положеніи его предъ j (йотъ)	звука и j (йотъ) въ положеніи ихъ предъ гласнымъ
215	4 св.	городахъ	говорахъ
	15 „	тверое	твердое
	20 „	предыханіе	придыханіе
	22 „	һэтакъ	һэтак
	25 „	гортаноое предыханіе	гортанное придыханіе
216	6 сн.	кров	кров,
217	13 св.	престављяетъ	представляетъ
	14 „	спраженія	спряженія
	10 сн.	простыхъ,	простыхъ
	7 „	замѣчяній	замѣчаній
	2 „	формъ. чѣмъ	формъ, чѣмъ
218	8 сн.	конечне	конечное
219	6 св.	друхъ	двухъ
	22 „	три четыре	три и четыре
	25 „	въ станину	въ старину
220	7 св.	тры хацѣ	тры хацѣ,
222	5 сн.	Подобные	Подобныя
	1 сн.	Бѣлоруссы, П.	Бѣлоруссы, II,
223	1 сн.	Бѣлоруссы, т. П,	Бѣлоруссы, т. I
224	23 св.	которые	которыя

Стр.	Строка	Напечатано:	Должно быть:
	12 сн.	письменности	письменности,
	11 „	въ нихъ	въ немъ
	1 „	Бѣлоруссы, т. П,	Бѣлоруссы, т. II,
229	1-2 св.	с рукам, за дровам, лаЎкам	с рукам, лаЎкам
229	19-20 св.	влѣдующія	слѣдующія
	1 сн.	Бѣлоруссы, П,	Бѣлоруссы, II,
235	20 св.	въ говорахъ	въ говорахъ,
	28 „	(усѣх)	(Ўсѣх)
239	1 сн.	Бѣлоруссы, П,	Бѣлоруссы, II,
240	16 св.	спѣя	спѣя,
	1 сн.	Бѣлоруссы, П,	Бѣлоруссы, II,
251	4 сн.	Напечатано l мягкое и е неносовое вмѣсто l твердаго и е носового за отсутствіемъ въ скоропечатнѣ соотвѣтствующихъ знаковъ; по той же причинѣ не поставленъ въ нѣкоторыхъ примѣрахъ и знакъ ударенія. По не зависящимъ также отъ автора обстоятельствамъ нѣкоторыя опечатки остались неисправленными; между прочимъ, на 205 стр., 29 строк. св. ошибочно поставленъ при наборѣ въ словѣ вакниĕ надъ буквой е знакъ закрытаго произношенія звука; на 208 стр. 1 строк. св. ошибочно поставленъ знакъ неслоговаго характера звука надъ буквой у въ словѣ неударяемые и т. д.	